

Владислав Грибовський
(Институт украинской археологии и источниковедения НАН Украины)
Дмитрий Сень
(Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

Бахты Гирей и проблема стабилизации границ Российской и Османской империй в первой трети XVIII века

Изучение Большой Границы и пограничных обществ Восточной Европы сравнительно недавно стало находить очертания своей предметной области, способствуя выделению актуальных исследовательских вопросов. Даже фрагментарное освещение социально-политической организации населения степного фронта Европы дало основание для констатации самостоятельной модели поведения его элит, имеющей внутреннюю логику и мотивацию, не всегда совпадающую с логикой и мотивацией элит *гинтерланда*, т. е. территории, непосредственно контролируемой центральной властью и в отношении которой фронт выступал отдаленной и слабо управляемой периферией. Более того, возникли основания для утверждений о том, что пограничные общества были не только объектом, находящимся в том или ином подчинении у центральной власти, но выступали в качестве субъекта, существенно корректирующего политику своего сюзерена.

Одним из наиболее заметных представителей элит степного фронта был Бахты Гирей-султан (? – 1729 г.), деятельность которого во многом определяла политическую ситуацию на Северо-Западном Кавказе и даже за его пределами. Анализ источников убеждает, насколько сильно влиял Бахты Гирей на отношения России и Османской империи во втором и третьем десятилетиях XVIII в. То или иное действие, предпринятое Бахты Гиреем, имело для обеих империй непредсказуемые, часто – нежелательные последствия, которые могли проявиться на любом участке границы – от Северного Кавказа до центральных районов Украины. Комплекс мер, предпринимавших российским правительством для противодействия Бахты Гирею, охватывал все порубежье – от Киевской до Астраханской губерний. Стамбул и Бахчисарай, в свою очередь, блокировали активизацию деятельности Бахты Гирея как на Кубани, так и в отдаленном от этого региона Буджаке.

Бахты Гирей упоминается в большинстве крупных исследований по истории Крымского ханства XVIII в.¹ Зачастую он характеризуется как мятежник, который своей якобы хаотической активностью создавал неудобства для своих сюзеренов, пользуясь удаленностью кубанского региона от Стамбула и Бахчисарая². Отсутствие в историографии должного внимания к причинам, вызвавшим усиление Бахты Гирея, породило, среди прочего, путаницу в определении его статуса: ученые называют его то нурадыном (нуреддин), то сераскером³. Должным образом не изучено место этого «кубанского смутьяна» в политических альянсах, создаваемых в начале XVIII в. крымскими, польскими, украинскими и кавказскими элитами с целью противодействия стремительному усилению России.

В данной статье авторы ставят своей целью рассмотрение вопроса о масштабах дестабилизирующего воздействия Бахты Гирея на состояние границ между Россией и Османской империей в 1711–1729 гг. Именно в этот период обе державы предприняли активные попытки разграничения своих владений и распространения действий своих администраций вплоть до самой границы. Изучая данный вопрос, мы сконцентрировали внимание на задачах, направленных на выяснение политических, экономических и социальных ресурсов, позволивших Бахты Гирею развернуть столь масштабную и долговременную деятельность. Исходя из того, что данный представитель правящей династии Гиреев лишь кратковременно занимал государственные должности, следовательно, использовал управленческий механизм Крымского ханства в очень незначительной мере, мы применили сете-

¹ J. von Hammer, *Geschichte der Chane der Krim unter der osmanischen Herrschaft*, Wiedeń 1856, s. 197; Henry H. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*. Part II. *The so-called Tartars of Russia and Central Asia*, cz I, Londyn 1880, s. 575; В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*. В 2-х томах, ред. С. Ф. Орешкова, t. 2, Moskwa 2005, s. 29, 33, 34, 44.

² W. D. Smirnow przede wszystkim pisał o „szajce” Bachtu-Gireja, przedstawiając go jako człowieka zdradliwego, który „продолжал время от времени творить смуты, то делая вид покорности хану Крымскому, то соединяясь с калмыками, чтобы совершать насилие над мусульманскими обитателями кубанских поселений» (В. Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты*. В 2-х томах, t. 2, s. 44). Подобные характеристики встречаются в современной литературе (пр.: З. А. Кожев, *Канжальская битва и динамика кабардино-русских отношений в первой трети XVIII в.*, [w] *Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы*, Nalczyk 2008, s. 89).

³ А. В. Цюрюмов, *Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений*, Elista 2007, s. 134, 138. Poszczególne aspekty działalności Bachtu-Gireja zostały poddane analizie w następujących publikacjach: О. Г. Санин, *Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века*, мсп. rozpr. na st. kandydata., Moskwa 1996; В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан во взаимоотношениях с Калмыцким и Крымским ханствами*, „Сарепта: Историко-этнографический вестник”, Wołgograd 2006, wyd. 2; Т. Х. Алоев, *Баксанская битва (у Крымских стен) 26–28 апреля 1729 г.: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии*, [w] *Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа. Сб. ст. к 60-летию В. Х. Кажарова*, Nalczyk 2009; А. А. Михайлов, *Кабарда в военной истории России первой половины XVIII века*, [w] *Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века. Исследования и материалы*, Nalczyk 2008; В. Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 г.*, [w] *Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS–2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае. Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной библиотеки им. Н. К. Крупской 27 сентября 2004 г.*, „Астраханское востоковедение” wyd. 1, Astrachań 2006, s. 33–43; И. В. Торопицын, *Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г.*, „Козацка спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень” wyd. 4, Dniepropietrowsk 2008, s. 72–78; В. В. Грибовский, Д. В. Сень, *Проблема стабилизации российско-турецкого порубежья первой трети XVIII в. и роль элит Крымского ханства: кубанский султан Бахты-Гирей*, „Востоковедные исследования в Калмыкии” wyd. 4, Elista 2010, s. 68–94.

вой подход (network approach), позволяющий выявлять каналы функционирования неофициальной власти интересующей нас персоналии.

Структура данной работы заключается в себе три взаимосвязанных компонента, последовательно развивающих авторскую аргументацию от общего к частному. Первый компонент содержит характеристику стабилизации границ между Османской и Российской империями в первое десятилетие XVIII в., который положил начало «сжиманию» степного фронта до состояния линейной границы. Панорамный показ такой тенденции используется для более наглядной демонстрации того, что усиливающаяся Россия вынуждала ослабевающую Османскую империю отказаться от своего главного рычага воздействия на восточноевропейские дела – от набеговых практик Крымского ханства. В такой трактовке ни сами набеги крымцев, ни попытки дестабилизации русско-турецкой границы с применением набегов уже не выглядят как исключительно грабительские мероприятия, лишённые политической мотивации. Переход от этой позиции ко второму компоненту – персоналистическому – раскрывает перспективу объяснения того, почему именно Бахты Гирей, стал неофициальным продолжателем набеговых практик после их официального запрещения властями Стамбула и Бахчисарая. Наконец, третий компонент нашей работы связан с показом таких набеговых практик, а также с выявлением социальных сетей, из которых выросла неофициальная власть Бахты Гирея.

В начале XVIII в. Россия и Османская империя предприняли первую попытку разграничения своих владений в северо-причерноморском и западно-кавказском регионах. Это явилось следствием изменения баланса сил в Центрально-Восточной Европе, обусловленного общим спадом военно-политической активности Османской империи, неуклонно падающим суверенитетом Речи Посполитой и усилением России. После заключения Карловицкого мира 1699 г., санкционировавшего крупные территориальные потери Османской империи, турки уже не были в состоянии производить экспансию в Европе, перейдя к оборонительной тактике. Содержанием новой политики Порты стало строительство пограничных крепостей, переговорные процессы и другие мероприятия, направленные на удержание существующих границ⁴. В виду этого османское правительство стало активно вмешиваться во внутреннюю политику Крымского ханства, подчиняя ее внешнеполитическим задачам Османской империи⁵. Стремительное ослабление Польши лишало смысла дальнейшее сохранение стратегии выравнивания баланса сил, которой на протяжении нескольких столетий лежало в основе политической взаимосвязи между Крымом и Османской империей. Стамбул отказался от традиционного посредничества Бахчисарая в восточноевропейских делах и начал напрямую взаимодействовать с крепнущим Российским государством, пытаясь поддержать ослабевающий суверенитет Польши⁶.

После Бахчисарайского договора (1681 г.) Османы отгеснили Гиреев от решения вопросов, связанных с Москвой, что, конечно, не могло не вызвать недо-

⁴ А. Рибер, *Сравнивая континентальные империи*, [w] *Российская империя в сравнительной перспективе*, praca zb. pod red A.I. Миллера, Moskwa 2004, s. 58.

⁵ S. A. Сомель, *Османская империя: местные элиты и механизмы их интеграции*, [w] *Tamże*, s. 185.

⁶ Ю. Геровский, *Отношение Польши к Турции и Крыму в период персональной унии с Саксонией*, [w] *Россия, Польша и Причерноморье в XV – начале XVIII вв.: Сб. ст.*, Moskwa 1979, s. 344–375.

вольства в Криму. Етим недовольством пытались сыграть правительства соседних государств, как, например, в 1684 г. представители Речи Посполитой предлагали крымскому хану отделиться от Османской империи⁷. Примерно в это же время Бахчисарай начинает терять свои позиции среди буджацких ногайцев, недовольных сворачиванием набеговых практик. Более того, как отмечает С.Ф. Орешкова, «Правобережная Украина, фактически уступленная тогда Османской империи и Польшей, и Россией, была отдана в управление не крымскому хану, а молдавскому господарю»⁸.

Стамбульский мирный договор 1700 г. обозначил установление новой модели отношений России и Османской империи. 5-я статья договора засвидетельствовала стремление обеих сторон устранить напряженность в пограничной зоне, 8-я статья предусматривала наказания за «набеги и неприятельства», самовольно осуществленные подданными обеих держав. Решение пограничных споров вменялось в обязанность «на рубежах сущим губернаторам и крымским ханам и калгам и нарадынам и иным салтанам». Отдельно оговаривалось, чтобы «татарские народы и орды... Оттоманскому государству повиновались и покорялись сим статьям мирным, с совершенным и непорушным хранением»⁹. Порта, тем самым, вывела российские и польские дела из круга прерогатив крымских ханов и установила прямые, без крымского посредничества, отношения с русским и с польским правительствами¹⁰.

Другим важным нововведением стала демаркация границы и ее обозначение «явными знаками». В октябре 1704 г. произошло разграничение земель в Прикубанье по р. Ея и в районе Азова; год спустя российско-турецкая комиссия проложила пограничную линию в среднем течении Южного Буга до правого берега Днепра, а также на левобережье Днепра¹¹. Прямым следствием стабилизации границ стала фиксация подданства кочевого населения Северного Причерноморья, прикавказских степей и Нижнего Поволжья. Ногайцы и калмыки теперь существенно ограничивались в возможности осуществлять самовольные миграции и изменения подданства. На этом основании в 1701 г. украинский гетман И. Мазепа отказался содействовать в предоставлении русского подданства буджацким ногайцам, восставшим против Крыма, мотивируя тем, что «у великого государя с султаном турецким и ханом крымским постановлен мир... и им (т. е. буджаков-

⁷ В. А. Артамонов, *Очаги военной силы украинского народа в конце XVI – начале XVIII в.*, „Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник“ 2003, Moskwa 2003, s. 65. Ten przypadek należy rozpatrywać w kontekście działań propagandowych Rzeczypospolitej podczas wojny z Imperium Osmańskim

⁸ С. Ф. Орешкова, *Османская империя и Россия в свете их геополитического разграничения*, „Вопросы истории“ 2005, № 3, s. 37.

⁹ *Полное собрание законов Российской империи* [далее: ПСЗ-1], Sankt Petersburg 1830, t. 4 (1700–1712 г.), s. 68–70.

¹⁰ Г. Иналджик, *Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400-1700 рр. Кримський ханат, Османи та піднесення Російської імперії*, [w] *Кримські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу)*. Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.), Kijów 1995, s. 128–129.

¹¹ ПСЗ-1, Sankt Petersburg 1830, t. 4 (1700–1712 г.), s. 324–325; В. Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 г.)*, mps dysert. na st. kand., Moskwa 2005, s. 31; *Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р. (за документами РДАДА)*, oprac. В. Мільчев, Zaporozże 2004, s. 7–10.

цам. – *Авторы*) следовало предлагать о подданстве в военное время»¹².

Османские султаны в целом были последовательны в выполнении взятых на себя обязательств и систематически требовали от крымских ханов наказывать своих подданных за продолжающиеся набеги. Одним из первых проявлений закладываемого российской и османской администрациями механизма деконструкции набеговых практик стало проведение весной 1706 г. в Азове комиссии, расследовавшей нападения кубанских ногайцев на российские территории¹³. В апреле того же года в османской крепости Ачуев российские представители во главе с К. Рудеевым подписали соглашение с ачуевским пашей и кубанскими мурзами о прекращении набегов. Примечательной его деталью было требование, предусматривавшее компенсацию, выплачиваемую виновной стороной за каждого взятого пленного или за угнанную лошадь и др. в 20-кратном размере¹⁴.

Таким образом, в начале XVIII в. граница между Российским государством и Османской империей, представлявшая собой на протяжении предыдущих столетий многослойный, растянутый на сотни километров в ширину буфер-фронт, приобрела очертания линейности. С этого момента начинает производиться четкая демаркация границы, упорядочивается подданство пограничного населения и юридически регламентируется его поведение. Это закрепляется как во внутренних актах обеих империй, так и в принятых ими договорных обязательствах по отношению к другим государствам. Тем самым, по терминологии Д. Замятина, происходило переструктурирование границ азиатского типа (понимаемого как большая барьерная территория, полоса между государствами, слагающаяся из сплетения разнородных, остаточных местных и региональных властных структур, огромная геополитическая чересполосица¹⁵) в границы европейского типа, регулируемые нормативно-правовыми актами внутригосударственного и международного характера.

Население степного порубежья, естественно, не могло, перестроить свою жизнь столь быстрыми темпами, как того требовали империи. Противодействие попыткам межевания границ было заметно еще при подписании Бахчисарайского договора 1681 г. с Россией, когда от шерти отказались крымские карачи-беи¹⁶. Зрело недовольство действиями русского правительства на Запорожье и на Дону; соответственно, новый курс Порты вызвал неприятие у османских и крымских подданных, которые прямо или косвенно были причастны к набегам и работоторговле (начиная от ногайцев, крымских мурз и заканчивая янычарами, находящимися в гарнизонах турецких крепостей в Северном Причерноморье. Крымские элиты не могли согласиться с намерением Османов оградиться стабильной границей от европейских соседей и сосредоточиться на решении внутренних проблем своего государства, пораженного кризисом.

¹² Д. Н. Бантыш-Каменский, *История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства*, Kijów 1993, s. 356.

¹³ С.Ф. Орешкова, *Русско-турецкие отношения в начале XVIII века*, Moskwa 1971, s. 36, 69.

¹⁴ В. Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 г.)*, mps dysert. na st. kand., Moskwa 2005, s. 31.

¹⁵ Д.Н. Замятин, *Русские в Центральной Азии во второй половине XIX века: стратегии репрезентации и интерпретации историко-географических образов границ*, [w] *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*, Moskwa 2002, №1, s. 53.

¹⁶ Ф. Хартахай, *Историческая судьба крымских татар*, „Вестник Европы” 1866, t. 1, czerwiec, s. 227.

После заключения Стамбульского мира 1700 г. наиболее непримиримыми противниками демаркации границ выступили запорожские казаки, крымские татары, ногайцы и даже турецкие янычары, также вовлеченные в наезднические предприятия. Крымско-татарские и ногайские мурзы постоянно требовали от хана санкции на продолжение набегов, а тот был вынужден обращаться с подобной просьбой к султану, мотивируя ее тем, что невозможно «прокормить» подвластные орды без грабежа северных соседей, на что, естественно, получал отказ. Между Запорожской Сечью и Бахчисараем наметилось сближение. В 1703 г. российский царь Петр I требовал, чтобы в комиссию по размежеванию границ не допускались крымские татары и ногайцы, чтобы они, сговорившись с запорожцами, не сорвали весь ход разграничения¹⁷. В итоге демаркация границ в Северном Причерноморье произошла только в октябре 1705 г., тогда как со стороны Кубани и Азова (в силу меньшего тому противодействия) граница была обозначена годом раньше¹⁸.

В начале XVIII в. население обеих сторон Большой Границы практически впервые осознало близость своих целей, создавая немыслимые ранее союзы. Возникают более чем ситуативные альянсы между аристократическими группировками Крымского и Калмыцкого ханств, родовой знатью ногайских орд и адыгских княжеств, включавшие в свою орбиту запорожских, некрасовских казаков и взаимодействующие с такими политическими формациями, как Гетманская Украина, группировка С. Лещинского в Речи Посполитой и Швеция¹⁹.

Отец Бахты Гирея, крымский хан Девлет Гирей II (правил в 1699–1702 и 1708–1713 гг.), был лидером крымских элит, выступавших против примиренческой политики Османской империи в отношении России; репутацию хорошего воина он получил благодаря участию в сражениях против русских под Азовом в 1695–1696 гг. Положение старшего сына правящего хана²⁰, обязывало Бахты принимать деятельное участие в делах отца. Наиболее раннее свидетельство о деятельности Бахты Гирея датировано 1 июня 1700 г. (по Юлианскому календарю); к тому времени он был крымским наместником на Кубани²¹. Нам ничего не известно ни о времени его рождения, ни о происхождении его матери, ни о месте, где крымский

¹⁷ В. В. Станіславський, *Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.)*, „Український історичний журнал“ 1998, №1, с. 6.

¹⁸ С. Ф. Орешкова, *Русско-турецкие отношения...*, с. 36.

¹⁹ О. Г. Санин, *Внутренняя борьба в Крыму 1700–1703 г. и ее влияние на русско-крымские отношения*, [w] *Проблемы истории Крыма: Тез. докл. научной конференции 23–28 сентября 1991 г.*, Симферополь 1991; В. Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке (1700–1771 г.)*, mps dysert. na st. kand., Moskwa 2005; Тепке, *Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 г.*, [w] *Итоги XXXVII Международного конгресса востоковедов (ICANAS-2004) и перспективы развития востоковедения в астраханском крае: Расширенное заседание Совета по научной работе Астраханской областной б-ки им. Н. К. Крупской 27 сентября 2004 г.*, „Астраханское востоковедение“, ред. А. Н. Родин, Astrachan 2006, wyd. 1; В. В. Станіславський, *Запорозька Січ у політичних відносинах з Кримським ханством (початок XVIII ст.)*, „Український історичний журнал“ 1998, №1, с. 6; *Кордони Війська Запорозького та діяльність російсько-турецької межової комісії 1705 р.* (за документами РДАДА), опрац. В. Мільчев, Зарогоже 2004, с. 9–12; Д. В. Сень, *Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII – начало XVIII в.)*, Rostow nad Donem 2009, с. 234–237.

²⁰ Халим Гирай-султан, *Розовий куст ханов, или история Крыма*, transkrypcja i tłum. А. Ильми, опрац. К. Усеинова, Симферополь 2008, с. 114.

²¹ Государственный архив Воронежской области [dalej: ГАВО], зесп. И-5, инв. 2, sygn. 24, к. 12.

султан получил воспитание. Последнее обстоятельство является очень важным в виду того, что по традиции воспитание юных Гиреев возлагалось на *аталыков* (временных приемных отцов) из числа ногайцев или адыгов. Благодаря аталычеству у Гиреев появлялись разветвленные связи с крупными родовыми группами адыгов, позволявшие не только крепче привязать регион их проживания к Крымскому ханству, но и использовать его для достижения своих личных целей. Поэтому заселенное адыгскими народами Левобережье Кубани стало прибежищем для многих представителей фамилии Гиреев, которые не находили себе места в Крыму²².

Возможно, дальнейшее изучение позволит выяснить, был ли аталыком Бахты Гирей кто-нибудь из адыгов, и как это влияло на его деятельность в период проживания на Кубани? Пока же мы предполагаем, что Бахты Гирей стал ханским наместником на Кубани неслучайно, поскольку маловероятно, чтоб его расудительный отец решился на такое назначение, если бы его сын не имел каких-нибудь связей с местными элитами и не получил бы начальных знаний о набеговой практике в местных условиях, виртуозным мастером которой Бахты Гирей проявит себя в дальнейшем. Сейчас же стоит обратить внимание на свидетельство Ш. де Пейссонеля (середина XVIII в.), которое создает представление о воспитании ханских сыновей и о значении личных связей, обретенных ими в ранней юности. Все крымские султаны имели «многочисленную свиту мирз из главных родов, которые присоединяются к ним и разделяют их судьбу; эти мирзы одеваются и питаются за счет султанов, содержащих их настолько хорошо, насколько им позволяют их средства». Чтобы удержать своих клиентов, султанам приходилось одаривать их всевозможными подарками, отдавать все, «вплоть до собственной одежды», иначе они теряли обществeнный вес, и, следовательно, надежду занять высшие государственные должности. Но так как доход от «уделов и пенсий от Порты» не мог обеспечить им престижный образ жизни, крымским султанам постоянно приходилось думать о набегах: «они повергают хана часто в большие затруднения, делая, по собственному почину набеги на Россию или восставая против него и побуждая к восстанию черкесов»²³. Крымский султан не мог добиться влияния и, благодаря этому, претендовать на ханский трон, не используя при этом разнообразные неофициальные средства. Важнейшим из таких средств были набеги и полученная во время их проведения репутация успешного добытчика, вокруг которой складывались разветвленные социальные сети.

Обратим внимание, что в источниках Бахты Гирей чаще всего упоминается как султан, что было титулом, прилагаемым ко всем неинтронизованным Гиреям, но никак не государственным рангом, вроде хана, калги и нурадына (к последним двум также прилагался этот титул). Как уже отмечалось, в литературе встречается некорректное обозначение наместника отдельных территорий Крымского ханства как сераскера, применяемое также и к Бахты Гирею. Однако в то время «сераскер» означал, прежде всего, предводителя войск. Функции наместника первым приобрел сераскер Буджацкой орды во время русско-турецкой войны

²² Ю.Клапрот, *Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах*, Nalczyk 2008, s. 134.

²³ Ш. де Пейссонель, *Записка о Малой Татарии*, tłum. В.Х. Лотошниковой, wstęp i oprac. В. Грибовский, Dniepropietrowsk 2009, s. 18–19.

1734–1739 гг.²⁴ Калга-султаном (первым наследником хана) до того времени был Шахбас Гирей, а нурадыном (вторым наследником хана) Сеадет Гирей (оба – братья Девлет Гирей II). После убийства Шахбаса в конце декабря 1699 г. черкесами (бесленевцами?), Сеадет стал калгой, а нурадыном – Гази Гирей, старший брат Девлет Гирей-хана. Впоследствии Гази, недовольный своим положением третьего лица в ханстве, поднял бунт и во главе поддержавших его ногайцев выступил в набег на восточные окраины Речи Посполитой. В начале 1701 г. Гази Гирей был вынужден сдаться турецким властям²⁵. На его место Девлет назначил Шагин Гирей, сменив его месяц спустя на другого своего брата – Каплана. К осени 1700 г. Каплан Гирей находился на Кубани, владея, как показали люди Бахты Гирей, едисанцами, проживавшими тогда в верховьях Кубани²⁶. Его появление на Кубани связано с подавлением мятежа Гази Гирей. Вероятно, дядя и племянник, Каплан и Бахты, не прерывали отношений в момент подавления мятежа, хотя позднее, после занятия Каплан Гиреем ханского престола в 1713 г., им суждено было стать непримиримыми врагами.

Не имея возможности добиваться положения калги и нурадына, занятые дядьями – братьями его отца, Бахты довольствовался положением ханского наместника на Кубани вплоть до смещения Девлет Гирей в конце 1702 г., став его надежным помощником. Свое отрешение от трона Девлет Гирей II воспринял болезненно ввиду того, что его отец Селим Гирей, снова возведенный Портой в ханское достоинство, назначил калгой Гази. Покинув престол, Девлет направился в Ени-Кале, откуда проследовал на Тамань²⁷. Находящийся там Бахты Гирей оказал большую поддержку своему отцу и, согласно данным на 7 апреля 1703 г., ушел вместе с ним в горы к черкесам²⁸. Впоследствии Девлет Гирей оказывается в Буджаке, где «поднял флаг восстания прямо против Килии и Измаила», но не решился на военное столкновение с турецким губернатором города Бабадага и сдался ему²⁹. В середине 1703 г. Девлет Гирей был помилован и отправлен в ссылку на Родос. Его калга и нурадын, тоже получив прощение, стали проживать в окрестностях города Ямболу (ныне Ямбол в Болгарии), где часто находили приют Гирей-изгои.

Дальнейшие годы жизни Бахты Гирей, вплоть до событий 1709 г., пока проследить не удастся. Хотя понятно, что Гази Гирей, возведенный после смерти Селим Гирей на ханский престол в декабре 1704 г., как и его калга Каплан Гирей³⁰, не очень благоприятствовали семье Девлет Гирей. Возможно, в период с лета 1703 г. до 1709 г. Бахты Гирей вместе с отцом проживал в Ямболу: в противном случае, в силу своего деятельного характера, султан каким-либо образом проявил бы себя

²⁴ Д.И. Хайдарлы, *Молдавия и Крымское ханство (1718–1774 г.)*, „Stratum plus” № 6, Kiszyniów 2003–2004, s. 273.

²⁵ В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах*, т. 1, Moskwa 2005, s. 468, 470–475.

²⁶ ГАВО, зesp. И-5, inw. 2, sygn. 244, k. 17.

²⁷ В.Д. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах*, т. 1, s. 489.

²⁸ Российский государственный архив военно-морского флота, зesp. 177, inw. 1, sygn. 25, cz. 1, k. 793v.

²⁹ О. Галенко, *Східна Європа 1704–1709 рр. у висвітленні османської хроніки Мегмеда Рашида*, „Україна в Центрально-Східній Європі”, wyd. 9–10, Kijów 2010, s. 275.

³⁰ Тамże, s. 269.

на Кубани.

Тем временем в Крыму продолжало шириться недовольство миролюбивым курсом Порты в отношении России и неприятие действий ханов, выступавшими проводниками этого курса. Каплан Гирей, впервые занявший ханский трон в 1707 г., попробовал использовать в качестве «громоотвода» кабардинцев, против которых в 1708 г. он организовал крупный поход, но потерпел от них в Канжальском ущелье сокрушительное поражение. Решение Порты о возвращении Девлет Гирея на ханский престол в конце 1708 г. во многом было продиктовано открывшейся к тому времени перспективой начала новой войны с Россией. Снова став крымским ханом, Девлет Гирей назначил калгой своего брата Сеадета, а нурадыном – своего старшего сына, Бахты. Впоследствии, по данным крымскотатарского хрониста Халим Гирея, Бахты становится калгой³¹. Эти данные подтверждаются словами самого Бахты Гирея, произнесенными в его разговоре с российским толмачом Б. Шаровым в 1717 г.: «...я де когда и в Крыму был халгою султаном...»³².

Если в первое свое правление Девлет Гирей был занят исключительно проблемами внутреннего управления Крымом (находясь в состоянии острой борьбы со своими братьями) и почти никак не проявил себя во внешнеполитических вопросах, то после время второй своей интронизации он занимает четкую антироссийскую позицию, прилагая максимум усилий для объявления Портой войны России в 1710 г.³³ Девлет Гирей-хан стал едва ли не главным координатором действий разнородных антироссийских сил, оказавшихся после разгрома в Полтавской битве в причерноморских владениях Османов и сосредоточившихся возле Бендер. Примечательно, что во время избрания гетманом Украины в изгнании Пилипа Орлика (5 апреля 1710 г.) в Бендерах находился сын Девлета – Батыр (Бахадыр). Атаман И. Некрасов, который вывел после поражения восстания К. Булавина часть донских казаков на Кубань под власть Крыма³⁴, также отправил в Бендеры своего сына для поздравления П. Орлика с избранием в гетманы³⁵.

Было бы неверным полагать, что крымские элиты и обыгрывающий их запросы хан Девлет Гирей, в отличие от шведов, поляков и сторонников И. Мазепы, вообще не имели политических целей, а только довольствовались возможностью в очередной раз пограбить земледельческие районы Украины. Со второй половины XVI в. Россия осуществляла экспансию в отношении Степи посредством создания «засечных черт», крепостей, впоследствии – укрепленных линий, постепенно продвигающихся в направлении Крыма и создающие угрозу его безопасности. Поэтому главной задачей Девлет Гирея было уничтожение российских крепостей, находящихся вблизи от степного порубежья, а также воронежских верфей, поскольку строящиеся на них и спускающиеся по Дону корабли создавали непосредственную угрозу безопасности Крыма.

³¹ Халим Гирай-султан, *Розовый куст ханов, или история Крыма*, s. 114.

³² Материалы Военно-учетного архива Главного штаба, ред. А. Ф. Бычков, t. I, Sankt Petersburg 1871, s. 307.

³³ С. Ф. Орешкова, *Русско-турецкие отношения...*, s. 69, 78–79; R. Sutton, *The Despatches of Sir Robert Sutton, Ambassador in Constantinople (1700–1714)*, Лондон 1953, с. 28.

³⁴ Д. В. Сень, «Войско Кубанское Игнатово Кавказское»: *Исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х г.)*, Krasnodar 2002.

³⁵ *Доба гетьмана Івана Мазепи в документах*, опрас. С. Павленко, Kijów 2007, s. 736.

Исход зимней кампании 1711 г. известен: основные цели организаторов похода не были достигнуты, большинство российских пограничных крепостей выдержали приступ, а ногайцы и крымские татары ограничились заурядным грабежом и опустошением Правобережной Украины³⁶. Безуспешным был и поход в Слободскую Украину: кубанские войска Бахты Гирея, которые следовали для соединения с Девлет Гиреем, были задержаны калмыцким ханом Аюкой³⁷, из-за чего Девлет Гирей, достигнув Харькова, был вынужден, избегая столкновения с крупными силами русских, повернуть назад.

Позиции Девлет Гирея пошатнулись. И произошло это не потому, что поход оказался неудачным, а дальнейшие действия крымских войск против российской армии малоэффективными, но, скорее, из-за желания Порты вернуться к политике мирных отношений с Россией и самоустранения от европейских дел. Предвидя скорое смещение, Девлет Гирей, вопреки символическим демонстрациям во имя продолжения войны с Россией³⁸, отважился просить защиты именно у ее правительства. В начале 1712 г. он послал в Петербург своего конфиденциального представителя, который назвался волошским ротмистром Александром Давыденко. Ему было поручено объявить о том, что «хан сам хочет быти в подданстве у его царского величества, и орды Крымская и Белогороцкая будут с ним». А причина такого намерения мол исходила из того, что «их (т. е. ханов. – *Авторы*) часто салтан переменяет и туркам головы всегда рубят, чего и он боится»³⁹. Однако робкие попытки договориться о получении протектората от России не имели для Девлет Гирея желаемых последствий: русское правительство не предоставило ему никаких гарантий; в 1713 г. он был смещен.

Неудачный для России Прутский поход Петра I не изменил наметившейся тенденции стабилизации границ в Северном Причерноморье. Прутский мирный договор 1711 г., несмотря на территориальные потери России, подтвердил основные принципы Константинопольского мира в вопросах демаркации границы, фиксации подданства пограничного населения, запрета подданным обеих держав, в частности «народом татарским», грабить порубежье⁴⁰. Охваченная внутренним кризисом и янычарскими мятежами, Османская империя нуждалась в стабильных границах, будучи не в состоянии продолжать экспансию в европейском направлении. Сменивший Девлет Гирея хан Каплан Гирей (1713–1716) особое внимание уделял устранению напряженности на границах с Россией и с Речью Посполитой⁴¹ и направить наездническую энергию своих подданных ис-

³⁶ *Субтельний Орест. Мазепинці. Український сепаратизм на початку XVIII ст.*, tłum. В. Кулик, Kijów 1994, s. 80.

³⁷ В.Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке...*, s. 39.

³⁸ W pol. XVIII w. francuski konsul na Krymie Charles de Peyssonnel przytoczył opowiadania współczesnych o sposobie bycia Dewlet Gireja po zawarciu pokoju pruckiego (23 lipca 1711 r.): w Adrianopolu, gdzie przebywał dwór sułtana, Dewlet otrzymał od sułtana pozwolenie powrotu na Krym, ale siadając na koń jedną nogę wsadził w strzenie, a drugą zostawił na kamieniu schodów. «Султан спросил у него о причине, мешающей ему отправиться в дорогу, и хан ответил, что не сядет до тех пор на лошадь, пока ему не принесут головы Балтаджи-Мех[мед]-лаши, великого везира, к которому он питал ненависть со времени [заклочения] мира на Пруте» (Ш. де Пейссонель, *Записка о Малой Татарии...*, s. 14).

³⁹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). зесп. 123. – Оп. 4. – 1712 г., sygn. 1, k. 2, 3.

⁴⁰ ПСЗ-1, Sankt Petersburg 1830, t. 4 (1700–1712 r.), s. 714–716, 824–829.

⁴¹ Jako przykład uregulowania stosunków granicznych przez Kapłan Gireja można przytoczyć jego

ключительно на Северный Кавказ.

Северо-Западный Кавказ в первое десятилетие XVIII в. практически оставался на периферии процессов стабилизации границы. Кубанская орда, традиционно выступая в качестве буфера, отделявшего Крым от подчиненного России Калмыцкого ханства, находилась в номинальном подчинении у крымского хана и слабо контролировалась его наместником. Управлять ситуацией в этом отдаленном от Крыма регионе (учитывая менее развитую систему коммуникаций, нежели в северо-причерноморских степях) можно было не иначе, как используя традиционный способ поддержания авторитета верховной власти в кочевнических сообществах – посредством проведения масштабных и успешных набегов. Кстати, это испытанное средство в очередной раз использовал Хаджи Селим Гирей во время своего последнего пребывания на ханском престоле (1703–1704 гг.): он организовал набег на Царицын, Пензу, Симбирск и Саратов. Причем калмыки, обязавшиеся перед русским правительством охранять степное порубежье, не оказали кубанцам существенного противодействия⁴². Несмотря на запреты и угрозы ханского двора, кубанские кочевники продолжали осуществлять набеги на русские окраины. Впрочем, чередующиеся один за другим крымские ханы, рискуя окончательно потерять управление отдаленными территориями, не проявляли особой настойчивости в сдерживании своих воинственных подданных. Попытки крымских чиновников найти виновных в осуществлении кубанцами набегов на российские владения зачастую просто имитировались. При этом между Кубанской ордой, Войском Донским и Калмыцким ханством оставалась в действии традиционная для фронта система отношений. Причем Калмыкия так же слабо контролировалась русским правительством, как и Кубань – ханской администрацией. Как заметил В.Т. Тепкеев, «если отношения Калмыцкого ханства с Крымом были мирными, то это было не всегда так... в отношении Кубани»⁴³.

В ходе военных действий 1711 г. русское правительство задалось целью полного уничтожения Кубанской орды, пользуясь тем, что основная часть ее боеспособного населения принимала участие в Прутской кампании⁴⁴. В конце августа – в начале сентября команда российских войск и 20 тыс. калмыков под началом астраханского губернатора П. М. Апраксина нанесла сокрушительный удар по кубанцам⁴⁵. Существенное содействие русским оказали кабардинцы, разгромившие отряды нурадын-султана и не допустившие присоединения к кубанцам других ногайцев, кочевавших в верховьях Кубани⁴⁶. Бахты Гирей возглавил тогда объединенные силы кубанцев, потерпел сокрушительное поражение при р. Чале (р. Сал) (в 50 верстах от р. Кубани) в сентябре 1711 г. Русско-калмыцкое войско

jarłyk, dany podległym mu zaporozcom: «многократно лядская сторона за великие кривды, от Войска вашего починенные..., до нас, панства Крымского, позывала», żądając sumy 700 mieszkań «за шляхтичев, за жидов и за хрестиянских людей». Chan zobowiązał zaporozców do wypłacenia jedynie 15 mieszkań, przy czym te pieniądze pod nadzorem władz chańskich zostały przekazane przedstawicielom Polski (*Архів Коша Нової Запорозької Січі. Корпус документів. 1734–1775*, Київ 1998, т. 1, s. 48–49).

⁴² В.Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке...*, s. 28.

⁴³ Там же, s. 25.

⁴⁴ Там же, s. 40.

⁴⁵ Н. Бранденбург, *Кубанский поход 1711 года*, „Военный сборник” ks. 3, marzec, 1867, s. 29–41 (dz. II).

⁴⁶ *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы в двух томах*, Moskwa 1957, t. 2, s. 6–10.

методично уничтожали ногайские улусы на Кубани «для самого [их] оскудения»; более 16 тыс. кубанских ногайцев было убито и около 22 тыс. взято в плен калмыками. Кроме того, военная добыча калмыков составила 2 тыс. голов верблюдов, 40 тыс. лошадей, почти 200 тыс. голов крупного рогатого скота⁴⁷.

Итак, в результате похода П. М. Апраксина Прикубанье превратилось в опустошенный, а значит – еще менее контролируемый крымскими и османскими властями регион. Именно в силу этого обстоятельства здесь создались условия для самостоятельной деятельности сына сверженного крымского хана, Бахты Гирея. Как свидетельствуют кабардинские источники, он «на Кубани салтаном учинился собою»⁴⁸, т. е. без назначения на должность наместника новым крымским ханом.

С этого момента начинается его самостоятельная деятельность на Кубани, давшая основание называть его Дели-султаном. Это прозвище европейские авторы склонны переводить как «бешенный, безумный султан»⁴⁹, хотя его современники, прежде всего крымские татары, вкладывали в него совершенно другой смысл. Например, Халим Гирей в своей летописи «Розовый куст ханов», говорит о «Бахт Гирее» как о прославившемся в народе под прозвищем «Джихан Дели»; та же летопись содержит обозначение российского царя Петра I как Дели Петро (в переводе на русский язык К. Усеинова – «шаловой Петр») ⁵⁰. Таким же «шаловым» («Дели») назван хан Крым Гирей (1758–1764, 1768–1769), героизированный крымскими татарами⁵¹. Таким образом, прозвище «Дели» не имело негативного смысла, а скорее прилагалось к людям, нарушавшим сложившийся порядок вещей.

Бахты Гирей, в первую очередь, стал добиваться подчинения себе кубанских ногайцев. Не будучи сдержанным какими-либо обязательствами – ни в отношении Бахчисарая, ни Стамбула, он начинает действовать по собственному усмотрению, стараясь максимально увеличить свое влияние в регионе. Мы не имеем достаточных оснований для того, чтобы определить его деятельность как сепаратизм по отношению к Крымскому ханству: отделение Кубани от власти Бахчисарая никогда не было заявлено им как определенная цель. Нам известен лишь один случай, когда в во время усобицы, возникшей в Калмыцком ханстве после смерти хана Аюки, Бахты Гирей предлагал калмыцким тайшам выйти из подчинения России и перейти на Северный Кавказ, где совместно с ногайцами и кабардинцами создать «некое государство»⁵². Но этот проект был скорее ситуативной комбинацией, чем последовательно реализуемой программой деятельности. Вероятно, Бахты Гирей не оставлял надежду на то, что при благоприятном стечении обстоятельств сможет занять ханский престол в Крыму, используя при этом свое влияние на Кубани. Пребывание в статусе нурадына и, возможно, калги, формально давало ему на это право. Отметим, что четыре десятилетия спустя возможность подобного сценария продемонстрировал Крым Гирей: 1758 г. он воспользовался восстанием ногайцев, которые, избрали его ханом; тем самым, он вынудил Порту санкционировать свое «самовластное» восшествие на крымский

⁴⁷ Н. Бранденбург, dz. cyt., s. 38–40.

⁴⁸ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв., t. 2, s. 19.

⁴⁹ Н. Howorth, *History of the Mongols from the 9th to the 19th century*, cz. II, s. 75.

⁵⁰ Халим Гирай-султан, *Розовый куст ханов или история Крыма...*, s. 115.

⁵¹ Там же, s. 157.

⁵² В.Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке...*, s. 64–65.

престол⁵³.

Бахты Гирей разграбил улусы кубанских мурз, которые заявили о лояльности к правящему хану Каплан Гирею (1713–1716 гг.) и начал истребление знати родовых ответвлений кубанских ногайцев – касай-улу и каспулат-улу. Поддержку Бахты Гирею составили ногайские поколения Орак-оглу во главе с мурзами Арслан-беем (бием), Юсуфом и Сумахом⁵⁴. Следующей задачей была необходимость увеличить количество населения Прикубанья, опустошенного походом П.М. Апраксина. Бахты Гирей попытался решить такую проблему путем насильственного переселения ногайцев с калмыцких и российских территорий. С 1713 г. начинается серия кровопролитных столкновений отрядов Бахты Гирея с калмыками⁵⁵. В начале 1715 г. он совершил набег в калмыцкие кочевья под Астраханью, разгромил войска хана Аюки, который потерял убитыми больше 3 тыс. чел., и разграбил его ставку⁵⁶. Правда, И. В. Торопицын полагает, что нападение Бахты Гирея на хана Аюку, которое «следует отнести к элементу случайности», вызвало не столь серьезные потери среди калмыков⁵⁷. Из Калмыкии были выведены 1220 кибиток юртовских татар, а также других ногайцев, кочевавших в низовьях Волги; на Кубань переведены улусы Эль-мурзы и Султан-Мамбет-мурзы Тинбаевых в количестве около 1 тыс. кибиток. Из Аюкиных владений были выведены все едисанцы и джембулуковцы в количестве 10300 кибиток⁵⁸. Таким образом, «улус» Бахты Гирея на Кубани увеличился более чем на 60 тыс. человек. Активные действия султана все серьезнее беспокоят Россию: после описанных выше событий хан Аюка, обер-комендант Астрахани М. И. Чириков и кн. А. Бекович-Черкасский направили на Кубань калмыцких владельцев с дворянином К. Ворониным. В результате непростых переговоров с Бахты Гиреем посланцы «мирное постановление učinили и Коран меж себя целовали в том, чтоб оному Бахты Гирею Салтану от них калмык отъехав и впредь войны не чинить»⁵⁹.

Взаимоотношения Бахты Гирея с калмыками складывались под влиянием междоусобной борьбы, созревавшей в Калмыцком ханстве. Престарелый хан Аюка с трудом удерживал контроль в Калмыкии. Но и Бахты также находился в весьма затруднительном положении. В 1716 г. часть едисанцев и джембулуковцев захватили кабардинцы и передали их калмыкам⁶⁰. В то же время против Бахты Гирея выступил крымский калга Менгли Гирей-султан, к которому присоединились китаи-кипчацкие мурзы⁶¹. В свою очередь, их поддержали проживающие на Кубани казаки-некрасовцы, также недовольные самовластием Дели-

⁵³ В. Грибовський, *Ногайські орди у політичній системі Кримського ханства*, [w] *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*, Київ 2008, wyd. 8, s. 154–155.

⁵⁴ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России*, „Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД)”, Odessa 1889, t. 15, s. 178.

⁵⁵ В.Т. Теткеев, *Калмыцко-крымские отношения в XVIII веке...*, s. 42–45.

⁵⁶ Tamże, s. 48.

⁵⁷ И. В. Торопицын, *Набеги кубанских татар на Россию в 1715 г.*, „Козацька спадщина. Альманах Інституту суспільних досліджень” wyd. 4, Dniepropietrowsk 2008, s. 73, 74.

⁵⁸ Архив внешней политики Российской империи [dalej: АВПРИ], zesp. 127, inw. 1 / 1754 г., sygn. 1, k. 3v., 4–6.

⁵⁹ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 38.

⁶⁰ *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*, t. 2, s. 16.

⁶¹ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России*, «ЗООИД”, t. 15, Odessa 1889, s. 178.

султана⁶². Скорее всего, к организации вооруженного восстания китаи-кипчаков против Дели-султана оказался причастен хан Каплан Гирей, явно обеспокоенный амбициями своего племянника⁶³. Во время вооруженных столкновений калге удалось перевести часть едисанцев и джембуйлуковцев «в самой Крым и к Днепру»⁶⁴. В. Д. Смирнов явно переоценил степень успеха миссии Менгли Гирея, когда писал, что калге удалось «переловить бунтовщиков и убийц и учинить над ними расправу»⁶⁵. Бахты Гирей заключил соглашение с Аюкой, пообещав ему вернуть едисанцев и джембуйлуковцев в обмен на помощь в борьбе с китаи-кипчаками. В начале 1717 г. сын Аюки, Чакдоржап, двинулся на Кубань, разгромил китаи-кипчакские улусы и, согласно соглашению, вывел с Кубани едисанцев и джембуйлуковцев⁶⁶. Кроме них Бахты Гирей передал Чакдоржапу «также и некрасовских всех казаков з женами и з детми... Толко-де он сам, Некрасов, с легкими людьми с сорокью ушел горы»⁶⁷. Чакдоржап послал в погоню за ним двух своих сыновей «да Назарова сына Доржу». Чакдоржапа, видимо, устраивала перспектива политического сотрудничества с Бахты Гиреем, возможно этим был продиктован его отказ на предложение кабардинцев напасть на Дели-султана⁶⁸. Кроме того, он оставил Бахты Гирею 170 калмыков, которые оказали ему содействие в проведении масштабного набега на Пензенский и Симбирский уезды. Сам же Аюка, также связанный тайным уговором, не оказал ему ни малейшего противодействия⁶⁹. Отписки казанского губернатора П.С. Салтыкова Петру I от 14 февраля 1717 г. (по сведениям астраханского обер-коменданта Чирикова от 12 февраля 1717 г.) позволяют уточнить, что Чакдоржап лично виделся с Бахты Гиреем «по сю сторону Кубани в урочище Кубанском городке Мажоре»⁷⁰.

Нельзя согласиться с В. Т. Тепкеевым в том, что активизация деятельности Бахты Гирея на Кубани «заставила калмыков искать более тесные связи с Россией»⁷¹. Рассмотренные выше события приводят к обратному выводу. По сути дела, Аюка и Чакдоржап вели в отношении своего российского сюзерена двойную дипломатию. С одной стороны, в условиях созревания нового витка усобиц в Калмыцком ханстве стареющему Аюке поддержка России была более чем желательна. С другой стороны, «ничейное» подданство Бахты Гирея было отличным прикрытием для продолжения набегов на российские окраины, которые еще в начале XVIII в. оставались обычными для калмыцкой аристократии. К тому же примирение с Бахты Гиреем не давало возможности противникам усиления ханской власти в Калмыкии использовать его в своих интересах. Не лишен был двойных стандартов сам Бахты Гирей; недаром русское правительство допускало мысль

⁶² В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, с. 39.

⁶³ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах*, с. 29.

⁶⁴ АВПРИ, zesp. 127, inw. 1 / 1754 r., sygn. 1, k. 6.

⁶⁵ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах*, с. 29.

⁶⁶ *Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгаутского и поступок их ханов и владельцев, сочиненное статским советником Васильем Бакуниным, 1761 года*, „Красный архив. Исторический журнал“ т. 3 (94), Moskwa 1939, s. 202.

⁶⁷ РГАДА, zesp. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 1v.

⁶⁸ *Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.*, т. 2, с. 19.

⁶⁹ *Описание калмыцких народов... Василия Бакунина*, т.3 (94), с. 202.

⁷⁰ РГАДА, zesp. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 1.

⁷¹ В.Т. Тепкеев, *Калмыцко-крымские отношения в период с 1710 по 1715 г.*, с. 39.

о возможности его перехода в царское подданство. Обер-коменданту Астрахани был послан указ, предусматривавший, если Дели-султан пожелает быть под рукой Петра I и кочевать близ Астрахани, ласковое с ним обхождение⁷².

Мощнейший набег войск Бахты Гирея на Воронежскую, Казанскую и Нижегородскую губернии состоялся летом 1717 г. Из донесения Петра Салтыкова от 8 августа 1717 г. известно, что Бахты Гирей со своим братом и тремя султанами «в собрании их и с вором бунтовщиком Некрасовым не дошед Царицына» остановились верстах в трех у речки Елшайки⁷³. Другой источник, впрочем, свидетельствует, что в походе участвовали братья Бахты Гирея – Аджи Гирей, Белги Гирей и Инам Гирей⁷⁴. В войске присутствовали также азовские бешлеи, присланные азовским пашой, калмыки хана Аюки, а также «вор и бунтовщик» Игнат Некрасов⁷⁵. Последний убеждал Бахты Гирея в том, чтобы идти на Царицын, другие участники набегу настаивали, чтоб было избрано направление «для разорения сел и деревень вверх...», а также на Пензу и Тамбов. Состав соучастников похода Бахты Гирея был крайне пестрым: «тех кубанцев в собрание многое множество, также-де есть с ними и русские. И от тех неприятельских людей в Нижнем Ломове собрався, грацкие и уездные люди сидят в осаде»⁷⁶. Из грамоты Петра I на Дон от 3 сентября 1717 г. известно, что, согласно известиям из российских губерний, Бахты Гирей собрался с «другими солданы тысяч в пятнадцать, и с ними же турки и азовские бешлей-черкасы и изменник Игошка Некрасов с воровским казаки пришли по оные губернии (Казанскую, Нижегородскую, Воронежскую. – *Авторы*), в розных уездех села и деревни жгут и разоряют, а людей бьют и в полон берут»⁷⁷. Подчеркнем, что, хотя татарские набеги и были весьма обычны для российской действительности еще середины XVIII в., этот набег потом помнили долго. Еще в 1736 г., при составлении росписи набегов татар, турок и «других народов» на российские земли, содержащейся в письме вице-канцлера А.И. Остермана великому визирю, речь зашла о набеге Бахты Гирея, который многие города «до основания разорил... и землям... на многие миллионы убытку приключил»⁷⁸.

Не приходится сомневаться в хорошей организации этого нападения. Впереди войска кубанцы «посылали шпионов, которые и сообщали им о состоянии тех мест, куда потом следовало направиться для грабежа». Российская сторона оказалась явно неготовой к отражению набегу. Еще в июле 1717 г. царицынский комендант Беклемишев предупреждал казанского губернатора П. Салтыкова о намерении кубанцев идти «под государевы города вплоть до Симбирска». В итоге набег явился полной неожиданностью для местных властей, которые не предприняли никаких мер предосторожности или защиты. Весьма показательно происхождение одного из шпионов Бахты Гирея – М. Афанасьева, проводившего войска султана известными только ему дорогами между Доном и Волгой. Сам Афанасьев был беглым рекрутом, бежавшим с двумя товарищами в Астрахань, а оттуда на

⁷² РГАДА, зесп. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 2.

⁷³ РГАДА, зесп. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 15.

⁷⁴ А. А. Гераклитов, *История Саратовского края в XVI-XVII вв.*, Saratow 1923, s. 322.

⁷⁵ РГАДА, зесп. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 15v.

⁷⁶ РГАДА, зесп. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 18.

⁷⁷ Государственный архив Ростовской области [dalej: ГАРО], зесп. 55, inw. 1., sygn. 1471, k. 3.

⁷⁸ РГАДА, зесп. 177, inw. 1 / 1736 r., sygn. 101 в, k. 41-41v.

Кубань «для воровства»⁷⁹.

Русское правительство, давно уже не сталкивавшееся со столь крупным по масштабу разрушений набегом, сделало надлежащие выводы. Когда группировка Бахты Гирея, отягощенная добычей, направлялась на Кубань, её между Волгой и Доном, в урочище на р. «Бедерле» (точнее, Бердии, притоке Иловли), настигли донские казаки, руководимые В. Фроловым. 11 августа 1717 г. (имеется и другая дата – 19 августа, что наиболее вероятно) произошла ожесточенная битва, в ходе которой по разным данным удалось отбить от 1000 до 1500 российских пленных, уничтожив до 500 кубанцев⁸⁰. Среди кубанцев, сообщали донцы, было 200 некрасовцев, 200 калмык хана Аюки, азовские «бешлеи». Содействие донцам в разгроме Бахты Гирея оказали войска из Воронежской губернии и слободских полков (Изюмского, Харьковского, Острогожского, по половине состава каждого их этих полков), а также отряды из стоящих там армейских драгунских полков⁸¹. Битва длилась до полудня, «оных неприятелей многое число они Войском Донским побили до смерти и отбили у них русского полону разных городов мужеска и женска полу, старых и средних и молодых, младенцов с тысячу человек»⁸². Событиям набега и разгрому Бахты Гирея в урочище на р. Бердии посвящена царская грамота на Дон от 3 сентября 1717 г. – Войско Донское «похвалялось» за разгром противника⁸³. А 16 ноября того же года, обращаясь к донским казакам в новой грамоте, Петр I хотя и повторяет слова похвалы, но расставляет акценты по-новому – казакам надлежало иметь крепкую «осторожность» от неприятелей. Особенную готовность донцам надлежало иметь в связи с приготовлениями всё того же Бахты Гирея по нападению на российские города, а возможно, предупреждал царь, и на казачьи городки.⁸⁴

Конечно же, Бахты Гирей ходил под «российские города без повеления салтана турецкого», не послушав также «отвратного повеления» азовского паши. Его самостоятельность и самоуправство, дестабилизировавшее границы Османской империи и России, не могло не раздражать Порту. Еще в начале 1717 г., назначая в Крым нового хана, Сеадет Гирея, Порты указала ему положить конец действиям Дели-султана, на которого султану жаловался российский посол⁸⁵. Но в то же время, Дели-султан был очень привлекательной фигурой для тех политических сил Крымского ханства (собственно, не только Крыма), которые противодействовали столь *убыточному* для них процессу стабилизации границ. Вот почему в составе участников кроме ногайцев Кубани находились еще калмыки, пребывающие под российским протекторатом, беглые из России, а также бешлеи из турецких крепостей. Тем не менее, несмотря на то, что Бахты Гирей оставался «человеком без подданства» («казаком», как говорили в тюркском мире XVI в.) русское правительство не оставило историю с набегом без вынесения ноты протеста в адрес Османской

⁷⁹ А. А. Герасимов, *История Саратовского края в XVI–XVII вв.*, с. 323.

⁸⁰ РГАДА, зесп. 89, инв. 1 / 1717 г., sygn. 4, к. 93v.–94, 96, 102–103; ГАРО, зесп. 55, инв. 1, sygn. 1471, к. 44; *Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным* [далее: *Акты Лишина*], Nowoczerkask 1891, t. 1, s. 280.

⁸¹ ГАРО, зесп. 55, инв. 1, sygn. 1471, к. 3.

⁸² ГАРО, зесп. 55, инв. 1, sygn. 1471, к. 94.

⁸³ *Акты Лишина*, t. 1, s. 278–279.

⁸⁴ *Акты Лишина*, t. 1, s. 280.

⁸⁵ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты. В 2-х томах*, t. 2, s. 33.

империи. Из текста ведения Государственной посольской канцелярии в канцелярию Правительствующего Сената (9 ноября 1717 г.) следует, что Петр I приказал «послать к салтану турецкому об учиненном сего 1717 году впадении в земли его... кубанского Бахты Гирея Дели-Салтана с кубанцы и некрасовцы и другими людьми и о причиненном от них подданным его Царского Величества разорении и гибели с требованием о надлежащей сатисфакции»⁸⁶. Для этого царь приказал организовать сбор сведений канцелярией Сената для отправки в Посольскую канцелярию. Сведения были собраны, например, по доношениям из Воронежской, Казанской и других губерний⁸⁷.

Поражение не остудило пыл Дели-султана. 30 октября 1717 г. появилось сообщение о подготовке Бахты Гирея к очередному набегу на донские городки – «мстя за то, что вы (донцы. – *Авторы*) в нынешнем его приходе ходили на него войною и с ним бились и на бою убили брата его родного»⁸⁸. Бежавшие в октябре 1717 г. из Азова на Дон два «бешлей-татарина» рассказали о том, что Бахты Гирей «велит лошадей кормных беречь и татар никуда не отпускает и хочет-де подозвать с собою темиргорских и бестенейских (темиргоевцев и бесленеевцев. – *Авторы*) черкес и воров некрасовцов казаков и кубанских всех татар и, взяв с собою пушек, первым зимним путем иттить под Черкасской и под верховые их... городки всеконечно для разорения»⁸⁹. Исходя из этих сообщений, Петр I приказал принять меры к предотвращению очередного вторжения, приказав «брегадиру... Гаврилу Кропотову с 4 драгунскими полками для охранения от впадения их, кубанцов, идти за Пензу и вам, Войску Донскому, послать к нему... добрых... казаков 500., а самим вам всем войском быть во всякой готовности и смотреть и разведывать, что ежели... тот... Бахты Гирей-Дели салтан с кубанцы намерены будут впадение чинить... и вам их... до того не допускать»⁹⁰.

О том, что этот набег все же состоялся, узнаем из письма на Дон от 13 марта 1718 г. хана Саадет Гирея⁹¹. Хан имел все основания для выражения своего недовольства действиями непокорного султана; он пишет о Бахты Гирее как об изменнике, «который изменил ему и [турецкому] султану и самовольно чинит набеги и... ныне как оной под вашим городом Черкасским быв, напал (25 января 1718 г. – *Авторы*), и ясырей ваших и богаж ваш, взяв, прибыл, о том мы известились недавно»⁹². Далее хан сообщал о своем запрете крымским подданным воспользоваться результатами этого набега – «и от вас взятые вещи, богаж и ясыри паки назад возвратить»⁹³. В Государственном архиве Ростовской области нам удалось обнаружить известия о подробностях этого нападения⁹⁴. Как оказалось, Бахты Гирей напал на Черкасский городок за два часа до рассвета, вновь фигурируя в документе как «Дели-салтан», что примечательно. Состав «кубанской орды» на-

⁸⁶ РГАДА, зesp. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 39.

⁸⁷ РГАДА, зesp. 89, inw. 1 / 1717 r., sygn. 4, k. 42-56 i in.

⁸⁸ *Акты Лишвина*, t. 1, s. 280.

⁸⁹ ГАРО, зesp. 55, inw. 1, sygn. 1471, k. 31, 32.

⁹⁰ *Акты Лишвина*, t. 1, s. 280.

⁹¹ Saadat (Seatud) Girej III panował w l. 1717-1724, patrz: С. Лэн-Пуль, *Мусульманские династии*, Москва 2004, s. 169.

⁹² ГАРО, зesp. 55, inw. 1, sygn. 1473, k. 41.

⁹³ Там же, k. 42.

⁹⁴ Там же, k. 2-3.

считывал тогда 10 тыс. человек, предводитель которых пустил под Черкасском «за протокою пустил пожар, и приступал неприятельски, и мыслил, как бы взять ему Черкасской». Донцы упорно оборонялись, отстреливаясь из пушек и «мелкого ружья». Столица Войска Донского выстояла, но кубанцы сильно пограбили прилегающие территории.

Обратим внимание, что Бахты Гирей, действуя на обширном пространстве Причерноморья и Кавказа, пытался искать союзников не только в ногайцах и калмыках. Несомненно, что в *многоугольнике* его военно-политических комбинаций находилась и Кабарда, о чем – ниже. Пока же отметим, что действия султана вызвали активную реакцию сто стороны кабардинских элит, озабоченных даже, чтобы Россия не обвинила их в сношениях с Дели-султаном. Так, в письме кн. А. Мисостова от 5 декабря 1718 г. Петру I сказано, что «в нынешнем году Бахты Гирей нас к себе призывал для набегов в российские государства, и мы ему в том отказали и сказали, что мы вам, великому государю, поддались и ему служим и не нарушим слов своих и шерта. И он нам грозил и сказал, как де ваших государевых людей будут разорять и похищать, потом и вас будут разорять, и увижу от кого вам споможение будет. И мы, надеясь на вас, великого государя, ответствовали ему, что дай бог вам, великому государю, здравствовать, и от вас никогда не опасаемся»⁹⁵. Кроме того, князья заявляли, что никто из кабардинцев не стал участвовать в набеге, организованных Бахты Гиреем. Более того, о значении, придаваемом князьями нейтрализации султана, говорит тот факт, что, прослышав о готовящемся нападении его войск на Черкасск, князья «намерены были и желали на него, Бахты Гирея, и на войско его, и на юрты напасть и по возможности разорить, жен и детей пленить»⁹⁶. Обращает на себя внимание та активность, с которой кабардинцы, преследуя свои интересы, пытались вбить клин в альянс Чакдоржапа с Бахты Гиреем, предлагая молодому лидеру калмыков напасть вместе с ними на кубанцев в начале 1718 г. Красноречивое молчание Чакдоржапа при соответствующей встрече с Ислам-беком Мисостовым, считаем, говорит само за себя⁹⁷. Западная Черкесия также не осталась вне зоны контактов Бахты Гирея с «черкесским миром», хотя, можно полагать, крутой нрав султана и там вызывал недовольство и даже страх. Недаром, предполагая поимку Дели-султана, кабардинские князья сообщали, что черкесы, живущие «в Хатукае да в Жаду», которым Бахты Гирей «отчасти верит», сообщали, что «ежели он, Бахты Гирей, к ним приедет, чтоб его поймали или им, черкесским князьям, ведомость подали. И когда то учинится, в таком случае могут (в тексте стоит «Мугут». – *Авторы*) они, князи черкаские, в том его царскому величеству службу свою показать и его, Бахты Гирея, поймать»⁹⁸. Таким образом, еще в 1718 г. против Бахты Гирея могла быть проведена операция по его поимке, причем ее возможные участники – кабардинские князья – четко представляли себе ценность такого возможного пленника для российской короны. Не понаслышке знали о Бахты Гирее и на Восточном Кавказе – в Эндери, пра-

⁹⁵ РГАДА, зesp. 115, Кабардинские дела, 1717 г., sygn. 6, Из письма А. Мисостова и др. кабардинских князей Петру I, к. 1–4.

⁹⁶ РГАДА, зesp. 115, inw. 1 / 1718 г., sygn. 1, к. 27.

⁹⁷ РГАДА, зesp. 115, inw. 1 / 1718 г., sygn. 1, к. 27.

⁹⁸ РГАДА, зesp. 115, inw. 1 / 1718 г., sygn. 1, Из расспросных речей в Посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашеева, к. 26–28v.

вители которого также пытались привлечь его к выяснению «межродственных» отношений⁹⁹. А в 1719 г. кабардинским князьям через их посланца к царю Петру I Султан-Алия было сказано, чтобы те «ни по каким перезывам и обещаниям вора Бахты Гирея Дели-Салтана и иных таких к противным замыслам не приставали. Но и когда о каких противностях на подданных его величества уведают, давали знать в Астрахань и на Терке камендантом, за что и впредь его царского величества милость к ним будет»¹⁰⁰. Кабардинцам, кроме того, недвусмысленно дали понять о желательной поимке Бахты Гирея и передаче его «в руки его царскому величеству», чем покажут они «в том к его величеству свою верность, [и] получат от его царского величества милость и жалованье».

Между тем, активность непокорного султана все больше беспокоила крымские и турецкие власти. Из Кабарды в Санкт-Петербург пришли сведения, весьма точно отражающие специфику тогдашнего положения Бахты Гирея «Понеже Бахты Гирей Дели-Салтан на Кубани салтаном учинился собою, и крымские ханы не хотят того, чтоб он тамо был, и возможно чаять, что он по николиком времени с Кубани выбит будет, а в Крым не поедет»¹⁰¹. Столкновение войск хана Саадет Гирея III с мятежным султаном произошло в 1718 г. В мае на Кубань из Большой Кабарды прибыл сын крымского хана – Селим Гирей, направляясь к Тамани и Темрюку. Начался сбор дополнительных сил из Крыма, Керчи и других мест – черкесов, турок, казаков И. Некрасова¹⁰². Решающий бой состоялся на р. Кубани «у перевозу Мамет-Пиреева» – Бахты Гирей, при котором находилось 3000 татар, был разбит и бежал в верховья Кубани¹⁰³. По сведениям за весну 1718 г., принципиально подтверждающим другие данные, «из Большой Кабарды Крымского хана сын Сели[м] Гирей на Кубань собрал из Крыму из Керчи и адинские черкесы и и городовые и Темрюкские турки и вор Игнашка Некрасов... чинили бой с Бахты Гиреем. Он Бахты в малолетстве збежал в горы»¹⁰⁴.

После этого в улусах стали поговаривать, что победитель Селим Гирей намерен всю кубанскую орду «гнать в Крым». Вообще, отношения Бахты Гирея и Сеадет Гирея (первый приходился второму племянником) были крайне сложными. Еще в конце 1720 г. хан был готов назначить Бахты Гирея во главе «кубанской орды», определенной им к новому походу¹⁰⁵. А весной 1721 г., когда хан выступил в очередной поход на Кабарду и находился одно время на реке Лабее, то «брат ево калга-салтан на реке Оропе (Урупе. – *Авторы*), а нурадин-султан с Бахта Гиреем расположились на реке Кубани»¹⁰⁶. Интересно, что в этом документе султан Бахты Гирей не фигурирует как нурадын. Имя же нурадына, фигурирующего в документе, пока неизвестно, при этом можно отметить, что В.В. Батыров относит время

⁹⁹ АВПРИ, zesp. 77 / 1722 г., sygn. 23, Из письма эндереевского владельца Салтан-Махмуда Петру I, к. 9–12.

¹⁰⁰ РГАДА, zesp. 115 / 1718 г., sygn. 2, к. 38.

¹⁰¹ РГАДА, zesp. 115 / 1718 г., sygn. 1, Из расспросных речей в Посольском приказе кабардинского посла Султан-Али Абашеева, к. 26–28v.

¹⁰² ГАРО, zesp. 55, inw. 1, sygn. 1473, к. 53.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ РГАДА, zesp. 111, ks. 23, к. 888.

¹⁰⁵ АВПРИ, zesp. 115, inw. 1 / 1720 г., sygn. 1, к. 71.

¹⁰⁶ Р. З. Фидарова, *Противоборство княжеских коалиций в Кабарде и роль внешних факторов в его обострении (1720–1725)*, „Исторический вестник“, wyd. 5, Nalczyk 2007, s. 38.

лишения Бахты Гирея этого титула к осени 1723 г., когда за убийство нескольких китаи-кипчакских мурз султан был лишен власти Сеадет Гирем III, назначившим новым нурадыном своего сына – Салаат Гирея; при этом сам Бахты Гирей почему-то остался в Копыле¹⁰⁷. В контексте всей предыдущей истории отношений Сеадет Гирея с Бахты Гиреем (на которые влияла заинтересованность Порты в нейтрализации Дели-султана), сообщение о лишении Бахты Гирея нурадынства представляется нам крайне сомнительным.

Подчеркнем, что управлять, или договариваться с Кубанской ордой было непросто; проводившиеся Бахты Гиреем по отношению к мурзам репрессии последовали после того, как в 1723 г. у него произошла ссора с «татарами», во время которой те убили младшего брата Бахты Гирея, а тот, в свою очередь – нескольких кипчакских мурз¹⁰⁸. Еще одну потерю понес тогда ханский дом – в том же 1723 г. (летом?) кубанские мурзы убили одного из сыновей крымского хана, о чем Бахты Гирей, при всей неприязни к дяде, не преминул ему донести¹⁰⁹. Хан тогда направил на Кубань нурадына¹¹⁰ – другого своего сына, на что мурзы отреагировали просто – они откочевали к Азову. Хотя постоянной ударной группировки у Бахты Гирея не было, он умело использовал свое влияние и проявлял талант военачальника. Дели-султан, подчеркнем, уверенно чувствовал себя не только в калмыцких степях, на Кубани, но и в Закубанье. Так, в декабре 1723 г. он пребывал «за Кубаном при речке Битле, а войска-де при нем... нет и орда кубанская посполучеркесами, кои называются Атышок-Улу... кочует за Кубаном же, только де есть от него Салтана... орде приказ, дабы они лошадей своих кормили и к походу были бы в готовности»¹¹¹. Летом того же 1723 г. Бахты Гирей пребывал «за рекою Кубанью под горами при Черкеских жилищах»¹¹². Еще один пример, подтверждающий незаурядность личности Бахты Гирея: в декабре того же года хан Сеадет Гирей отправил к нему гонца с сообщением, что по приказу турецкого султана были отправлены «от двора его» комиссары на съезд с российскими комиссарами. Смысл послания к мятежному султану раскрывается в следующем: «ежели... при той комиссии буде несогласно и покажется к разрыву мира, и тогда-б оный Бахтыгирей... с Кубанскою ордою всемерно с Российскими подданными воизымел войну»¹¹³. Политика двойных стандартов крымского двора в отношении Бахты Гирея прослеживается еще и в том, что нурадын-султан, двоюродный брат Дели-султана, принимал его периодически в Копыле¹¹⁴, о чем, несомненно, было известно в Бахчисарае. Сам Бахты Гирей также был готов к ситуативным компромиссам с дядей – например, отдав в 1723 г., согласно ханскому повелению,

¹⁰⁷ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 40.

¹⁰⁸ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области*, Jekaterynodar 1904, t. 1, s. 6; Российский государственный военно-исторический архив [dalej: РГВИА], zesp. 20, inw. 1/47, sygn. 3, k. 206.

¹⁰⁹ Tamże, s. 7.

¹¹⁰ Tamże. To świadectwo jest jeszcze jednym potwierdzeniem braku podstaw do opinii Batorywa o tytule nuradyna Bachtu Gireja.

¹¹¹ Tamże, s. 3.

¹¹² Tamże, s. 7.

¹¹³ Tamże, s. 3.

¹¹⁴ Tamże, s. 7.

несколько казаков, очевидно, российских подданных¹¹⁵.

Для противодействия набегам неугомонного Бахты Гирея русское правительство принимает решение построить Царицынскую линию укреплений¹¹⁶, возведение которой длилось на протяжении 1718–1720 гг. Она состояла из земляного рва, вала и 4 крепостей, снабженных сильными гарнизонами¹¹⁷. Предпринимались также дополнительные меры, направленные на удержание кочевников-ногайцев на российской территории и противодействие их миграций на Кубань. В 1721 г. Петр I приказал астраханскому губернатору А. П. Вольнскому, чтобы «джетысаны и джембуилуки все были раскосованы врознь по всем колмыцким улусам»¹¹⁸. Исполнение царского указа губернатор поручил полковнику Беклемишеву. Но получилось так, что в распределении ногайских семей по калмыцким улусам не был заинтересован сын Аюки, Чакдоржап, который все больше превращался в единоличного правителя Калмыкии. Будучи женатым на ногайке Хандазе, он состоял в родственных отношениях с ногайскими мурзами и пользовался их поддержкой. Кроме того, он контролировал сбор налогов с ногайцев¹¹⁹. Но в феврале 1722 г. Чакдоржап умер, оставив завещание о том, чтобы ногайцы были разделены между его 7 сыновьями. Два года спустя умер и престарелый хан Аюка. В Калмыкии разразилась новая волна усобиц¹²⁰, приведшая к очередному периоду дестабилизации ситуации на порубежье. Ногайцы стали массово откочевывать на Кубань к Бахты Гирею.

Крымские ханы старались как можно скорее переводить в Крым ногайцев, бежавших на Кубань во время калмыцкой усобицы, дабы не допускать чрезмерного усиления Бахты Гирея¹²¹. Для их переправы в 1723 г. был направлен нурадын-султан с 5-тысячным войском. Но крымцам удалось переправить через Тамань только ногайцев кипчакского эля и около тысячи едисанцев. От кипчаков отошли китаи, которые вместе с едисанцами и джембуилуковцами в общем количестве до 10 тыс. кибиток откочевали к Азову. Таким образом, по сообщению А.П. Вольнского (астраханского губернатора), Бахты Гирей остался в местечке Копыла «вне силы»¹²². Неслучайно вскоре Бахты Гирей стал уговаривать отошедших к Азову китаи-кипчаков вернуться на Кубань, «обнадеживая их, что он им никакого зла не учинит. И в том им обещается присягою, на что-де они склоняютца»¹²³. Известно, что осенью 1724 г. в причерноморскую степь «с салтаном Бахтигереем

¹¹⁵ РГВИА, зesp. 20, inw. 1/47, sygn. 3, k. 108.

¹¹⁶ Oczywiście występowały także i inne przyczyny zorganizowania takiego wielkiego przedsięwzięcia państwowego. Patrz: Т. И. Лавринова, *Царицынская линия: история строительства в 1718–1720 г. и первые годы существования*, mps dysert. na st. kand., Woroneż 1990.

¹¹⁷ И. К. Кирилов, *Цветущее состояние Всероссийского государства*, Moskwa 1977, s. 232

¹¹⁸ АВПРИ, зesp. 127, inw. 1 / 1754 г., sygn. 1, k. 4v.

¹¹⁹ Тамże.

¹²⁰ *Описание калмыцких народов... Василия Бакунина*, s. 204–205.

¹²¹ Jeńcy, którzy uciekli z Krymu świadczyli 11 IX 1723 r. w Bachmuckiej kancelarii, o pogłoskach o przemieszczaniu się «во время жатвы хлеба» z Krymu przez Tawań «орды великой», kierującej się na Kubań «на Бахты Гирей Салтана» (РГВИА, зesp. 20, inw. 1/47, sygn. 3, k. 179v.). Najprawdopodobniej Bachczysaraj był w tym czasie najbardziej skoncentrowany na likwidacji napięć na Kubaniu i «мирением» kubińców (РГВИА, зesp. 20, inw. 1/47, sygn. 3, k. 199 v.).

¹²² Б.-А. Б. Кочкаев, *Ногайско-русские отношения в XV–XVIII вв.*, Alma-Ata 1988, s. 133.

¹²³ РГВИА, зesp. 20, inw. 1/47, sygn. 3, k. 206.

прешло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»¹²⁴. Побег ногайцев от калмыков продолжались и в 1725 г.¹²⁵

В 1724 г. Дели-султан поддержал мятеж крымских мурз во главе с могущественным Джан-Темиром Ширинским, направленный против хана Сеадет Гирея. Бахты Гирей снова собрал под своей властью ногайцев и вместе с ними выступил в поддержку Ширинского бея. В августе 1724 г. Дели-султан появился в Перекопе, где его войска соединились с собранием мятежных крымских мурз (от 10 до 40 тыс. чел.), желавших видеть его своим ханом¹²⁶. О том, что основу его вооруженной силы составили ногайцы, свидетельствует источник, в котором говорится, что осенью того же года в причерноморскую степь «с салтаном Бахтигереем прешло нагайцев тысяч с семь с женами и детьми»; сам же Дели-султан к ноябрю обосновался «в Вохнищах» – местности на речке Солгирь между Бахчисараем и Карасу-Базаром¹²⁷. Кроме того, мятежный султан решил привлечь калмыков для борьбы за Крым, пообещав за это вернуть им едисанцев и джембуилуковцев¹²⁸. Военную помощь Бахты Гирей просил у калмыцких нойонов Дондук-Омбо, Дондук-Даши и ханши Дармы-Балы.

Активизация действий Бахты Гирея связана с тем, что в начале октября 1724 г. Порты сместила потерявшего всякое влияние в Крыму хана Сеадет Гирея. Пока в Стамбуле спешно искали подходящего кандидата на крымский трон, Бахты Гирей стал едва ли не фактическим хозяином Крыма. Его кандидатура, на которой настаивала значительная часть крымских элит, Портой даже не рассматривалась – в виду зримого ухудшения отношений с Россией. 5 октября 1724 г. в Стамбуле в ханское достоинство был возведен Менгли Гирей II (1724–1730), которому дало присягу большинство крымских мурз. Бахты Гирею, с которым теперь оставалось всего 7 тыс. чел., ничего не оставалось делать, как вернуться на Кавказ¹²⁹. В январе 1725 г. к нему присоединился Джан-Темир Ширинский, преследуемый Менгли Гиреем. Совместными усилиями они пытались отбить продвижение ханских войск по Кубани, но были разгромлены и с остатками войск бежали в Малую Кабарду¹³⁰. Примечательно, что мятежному Ширинскому бегу помогли попасть на Кубань к Бахты Гирею янычары азовского гарнизона¹³¹, известные своим участием в некоторых акциях Дели-султана.

Тем временем, в Крыму начиналось новое восстание, вызванное репрессиями Менгли Гирея. По сообщению из Львова от 18 ноября 1725 г., «80 главных мурз или князеи крымских, уведомляя, что новои хан тои земли с согласия с турками, намерился велеть им головы отсечь, дабы правителствовать потом Крымом самовластно, уступили де в Черкесию к Султану Дели... и собрали там многочисленную армию сочиненную с татарами... черкасскими, и великою Татарии, с великим

¹²⁴ Д. И. Эварницкий, *Источники для истории запорожских казаков*, т. 2, Włodzimierz 1903, s. 1110.

¹²⁵ А. В. Курбанов, *Ставропольские туркмены: Историко-этнографические очерки*, Sankt Petersburg 1995, s. 25.

¹²⁶ О.Г. Санин, *Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века*, mrs dysert. na st. kand. 1996, s.326–327.

¹²⁷ Д. И. Эварницкий, dz. cyt., s. 1110.

¹²⁸ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 41.

¹²⁹ О.Г. Санин, *Отношения России и Украины с Крымским ханством...*, s. 328.

¹³⁰ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 42.

¹³¹ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 8.

числом калмыков и иных народов... дабы идти наступать на хана, и выгонять его вон из Крыма со всеми турками»¹³². Вероятно, именно об этих событиях Порты поставила в известность российского посланника и начала подготовку масштабной акции против Бахты Гирея, отправив специально для этого новую партию янычар в Азов. Обращает на себя внимание мнение некоторых наблюдателей о готовности Бахты Гирея с «Ширинбеем и с его партизанами» нанести удар по Крыму»¹³³. История контактов обоих лидеров – тема перспективная и важная для объяснения резонанса, оказанного поступком Джан-Темира на состояние крымско-османских и даже осmano-российских отношений. Отдельного изучения потребует вопрос о претензиях Бахты Гирея на ханский престол, разных свидетельств о котором – все больше. Примечательно, что в трактовке турок действия Бахты Гирея и ширинского бея рассматриваются как бунт против османской власти. Порты известила российское правительство о бунте Бахты Гирея и Ширинского бея, что позволило принять России меры, противодействовавшие присоединению калмыков к крымским мятежникам. На Дон была отправлена императорская грамота от 3 ноября 1725 г., в которой выражалось серьезная обеспокоенность по поводу охраны пограничных территорий. Любопытно, что в грамоте четко присутствует нежелание России допустить соединения Бахты Гирея и Ширинского бея с калмыками, а также требование, адресованное донцам, оперативно информировать о действиях «бунтовщиков» Военную коллегию¹³⁴.

В конце 1725 г. Бахты Гирей снова собрал большое войско для выступления на Крым. Порты сначала попыталась договориться с ним и послала ему в подарок крупную сумму денег и богатый кафтан. Однако Дели-султан роздал эти деньги своему войску, а кафтан, в знак презрения, «отдал одному старому татарину, говоря ему: прими сию ризу, яко за милость Блистательной Порты Оттоманской, а я тои ризы носить не хочу, и такожде не желаю преклонить уха ни к какому перемирию, прежде как учинен буду ханом крымским»¹³⁵. Следующее сообщение того же источника от 9 января указывает, что турки-османы направили к «татарской границе» «добрый корпус войск» во главе с тремя пашами, «дабы они действовали наступательно против султана Дели принца чиркаскова, которой собрал много войска татарскаго и протчая для наступления на хана крымскаго»¹³⁶. В итоге войска Бахты Гирея и Джан-Темира снова были разбиты. Возможно, с этим событием связано содержание документа, датированного 22 марта 1726 г., где указано, что после разгрома Бахты Гирея и Джан-Темир скрывались в «горах во владениях Абазинских черкес, а войска-де при них нет, только-де пошло было к нему калмык Заволгских человек с триста...», когда на Кубани в должности сераскера утвердился Салих Гирей, сын Сеадет Гирея¹³⁷. О тех же «Абазинских горах» повествует документ, приводимый В. В. Батыровым, правда, исследователь пишет, что Бахты Гирей спасался тогда от нурадына Салаат Гирея¹³⁸.

¹³² „Российские ведомости“ 1725, № 56, 22 grudnia, s. 15–16.

¹³³ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 10–11.

¹³⁴ Там же, s. 11.

¹³⁵ „Российские ведомости“ 1726, №10, 15 lutego, s. 6–7.

¹³⁶ Там же, №11, 25 lutego, s. 3.

¹³⁷ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 12.

¹³⁸ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 43.

Интересно отметить, что российские власти пытались тогда играть на противоречиях в доме Гиреев, пробуя соблазнить мятежников – Бахты Гирея и его «гостя», Джан-Темира возможностью перехода в российское подданство. Между тем посланец от российского правительства, отправленный с данной миссией, например, в 1725 г., не смог найти тогда ни Джан-Темира, ни Бахты Гирея. Еще раз подчеркнем: действия одного человека, Бахты Гирея, стали оказывать серьезное дестабилизирующее воздействие (с точки зрения обеих империй) на состояние региональной безопасности и даже на состояние межгосударственных отношений. Можно уверенно говорить о том, что такое воздействие ощущалось на громадном пространстве, в котором можно выделить три узловых и болезненных (для всех главных игроков на Кавказе – России, Крымского ханства, Османской империи) региона – Кабарду, Калмыцкое ханство и Северо-Западный Кавказ – Правобережную Кубань и Черкессию.

Несколько слов об участии Бахты Гирея в «кабардинских делах», поскольку вопрос о Кабарде, применительно к состоянию «кавказской политики» как России, так Гиреев и Османов, был едва ли не определяющим еще в первой половине XVIII в. Многолетняя борьба баксанской и кашкатауской «партий» за лидерство в Кабарде вызывала частое участие крымцев в междоусобной войне. Весьма симптоматично, что «баксанцы» моделируют свою систему родственных связей с Гиреями: Так, И. Мисостов присягнул Сеадет Гирею и породнился с ним, выдав замуж свою дочь за его племянника – кубанского сераскера Салих Гирея¹³⁹. А вскоре А. Кайтукин, один из лидеров т.н. «прорусской (кашкатауской) партии», не получив должной поддержки от России, посчитал для себя возможным прибегнуть к крымскому фактору поддержки... в лице Бахты Гирея. Таким образом, личность и ресурсы султана рассматривались частью кабардинских князей в качестве весьма серьезного политического и боевого противовеса устремлениям своих противников. Примечательно, что тот же А. Кайтукин открыто писал коменданту крепости Св. Креста М.А. Матюшкину в 1725 г. о привлечении им Бахты Гирея к разгрому Мисостовых из «баксанской партии»¹⁴⁰. Союз военный был скреплен семейными узами – А. Кайтукин отдал замуж за султана свою дочь, а тот отдал Кайтукину, в свою очередь – сына¹⁴¹ (на воспитание?). С другой стороны, А. Кайтукин заключил союз с «ханом» Девлет Гиреем, скрепив его браком одной из своих дочерей с младшим сыном Девлет Гирея – Арслан Гиреем¹⁴². В сложившейся ситуации обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на принуждение кабардинцев Кайтукиным и Дели-султаном к признанию власти правящего хана Менгли Гирея, налицо еще один аспект оказываемого на них давления – отправиться жить на Кубань¹⁴³. Здесь явно видна «рука» самого Бахты Гирея, никогда не забывавшего о пополнении своей собственной ресурсной базы. В самом начале 1720-х гг. Бахты Гирей принял участие в походе на Кабарду войск крымского хана Сеадет Гирея¹⁴⁴. Осенью 1723 г. Бахты Гирей был замечен в Кабарде в качестве

¹³⁹ Адыгская (Черкесская) энциклопедия, Moskwa 2006, s. 198, 200.

¹⁴⁰ Канжальская битва и политическая история Кабарды..., s. 373.

¹⁴¹ Там же, s. 374.

¹⁴² Р. З. Фидарова, Противоборство княжеских коалиций в Кабарде..., s. 40.

¹⁴³ Канжальская битва и политическая история Кабарды..., s. 374.

¹⁴⁴ С.Н. Жемухов, Кабардино-крымская война 1720–1721 г. и ее историческое значение, [w] Канжальская

«разящего меча» «Арасланбека Татархана Кайсыма Бекова», который «ввел» султана с тем, чтобы «прочих князей искоренить, а ему быть владетельным князем и за то Бахты Гирею... обещает со всякого двора по два ясыря»¹⁴⁵. Позже Бахты Гирей тоже причинял немало неприятностей своим противникам, так, например, в челобитной кабардинских князей «Хотокчука-Бега» и «Ислам-Бега» Мисостовых на имя Петра I находим: «Мы на поле в кошах стояли, как ваш, так и наш неприятель Бахтагирей-Солтан приехал с калмыцкими и напал на Хотокчуку-Бега, из ево конских табунов 1000 лошадей отогнал»¹⁴⁶.

В начале 1726 г. Дели-султан вновь вступил в борьбу за власть на Кубани, вновь прибегнув к помощи калмыков. Оппозиционно настроенные к наместнику ханства Церен-Дондуку калмыцкие тайши находили прибежище на Кубани, откуда вместе с ногайцами Бахты Гирея нападали на османские владения и укрывались от преследования пограничной турецко-крымской администрации в российских владениях. Так, только в 1726 г. калмыки совершили с Бахты Гиреем несколько нападений на османский Азов¹⁴⁷. В феврале 1727 г. российскому резиденту в Стамбуле И. И. Нешлюеву пришлось выслушивать, как указывает А. В. Цюрюмов, «крепкие турецкие выговоры о калмыцких делах». Особенно турки негодовали из-за союза калмыков с Бахты Гиреем, а также из-за захвата калмыками посла Осман-мирзы Аги, который вез письмо из Стамбула в Азов¹⁴⁸. Императорской грамотой от 15 февраля 1727 г. Церен-Дондуку в числе прочих указаний запрещалось поддерживать Бахты Гирея.

Бахты Гирей умело вмешивался и во внутрикалмыцкие усобицы: так, в 1726 г. султан объединился с самим Церен-Дондуком и направился громить донские городки, а также калмыков «Четеря и Досанга Петра тайши», покинувших Калмыцкое ханство и откочевавших на Дон»¹⁴⁹. Порта, рассматривая калмыков как подданных России, требовала от царского правительства усмирить бунтовщиков, угрожая санкционировать татарские набеги. В свою очередь и Россия была встревожена затянувшейся нестабильностью на Кубани, из-за которой осложнялся контроль над южными границами и куда постоянно откочевывали подвластные ей кочевники. Летом 1727 г. для переговоров с Бахты Гиреем был отправлен подполковник Беклемишева – с поручением склонить кубанского «бунтовщика» к союзу с Россией, пообещав ему при этом военную помощь в борьбе за крымский престол. В противном случае русскому агенту было предписано найти способ лишить его жизни. Впрочем, ни с тем, ни с другим заданием Беклемишев не справился¹⁵⁰. Обратим внимание на исключительную широту форм и методов России добиться усмирения, либо нейтрализации султана Бахты Гирея – от переманивания его на службу до организации в отношении Дели-султана наемного убийства. В частности, соответствующая заинтересованность выражена в указе от 17 ноября 1726 г. императрицы Екатерины I и Верховного тайного совета «О призывании» Бахты

битва и политическая история Кабарды..., s. 268.

¹⁴⁵ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 5.

¹⁴⁶ *История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева: Сб. ст. и док.*, Nalczuk 2005, s. 68.

¹⁴⁷ А. В. Цюрюмов, *Калмыцкое ханство в составе России...*, s. 202.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 4.

¹⁵⁰ *Описание калмыцких народов...* Василия Бакунина, s. 204–205, 227–229.

Гирея и Джан-Темира Ширинского¹⁵¹.

В то же время тайши, подвластные Церен-Дондуку, стали готовить поход на Кубань, чтобы вернуть едисанцев и джембуйлуковцев в свои кочевья. Русское правительство, связанное мирным договором с Портой, прислало к ним полковника И. И. Бахметева, чтобы отговорить их от подобного намерения. Кроме того, он имел также дополнительное поручение устранить Бахты Гирея. С таким же поручением прибыл на Дон и генерал-майор Тараканов, который действовал через донских казаков и донских калмыков. Но все попытки устранить Бахты Гирея оказались тщетными, поскольку калмыцкие тайши, в том числе и Церен-Дондук, были заинтересованы в сохранении нестабильности на Кубани – что позволяло им безнаказанно грабить российско-турецкое порубежье, прибегая к услугам Бахты Гирея¹⁵². Кроме того, возможна и другая причина постоянной «приязни» калмыков к Дели-султану: их правители симпатизировали ему как воину, о котором ходили легенды на Кавказе, а Дондук-Даши считал за честь быть его названным братом¹⁵³.

Наместник Калмыцкого ханства Церен-Дондук принял предложение Дели-султана напасть на Кубань, однако поход сорвался – спасаясь от преследования Салаат Гирея, Бахты Гирей бежал в Абазинские горы. Примечательно, что калмыки не нашли общего языка с Салаат Гиреем, который не принял их условий о возвращении на Волгу едисанцев и джембуйлуковцев. Летом 1726 г. Бахты Гирей вышел из Абазинских гор к реке Кок-Айгор и направился к Волге на соединение с калмыками¹⁵⁴. Эта весть встревожила Салаат Гирея, направившего послов в калмыцкие улусы. Поддержанный калмыками в очередной раз, Бахты Гирей напал вскоре на Азов, предложив Салаат Гирею тогда заключить мир. Но Салаат Гирей решил покончить с Бахты Гиреем и двинулся в марте 1727 г. в поход на калмыков, который в итоге провалился. Напротив, действуя при поддержке именно калмыков, Бахты Гирей стал угрожать Салаат Гирею возможностью открытия военных действий, если тот с ним не помирится. Вскоре после этого султан добровольно взял на себя обязательства по охране границы России от набегов кубанцев¹⁵⁵.

Вместе с тем вновь появилась информация о претензиях Бахты Гирея на ханский престол, занимаемый тогда Менгли Гиреем. Так, Дондук-даши сообщал подполковнику и саратовскому воеводе Беклемишеву о намерении султана завоевать кубанцев при поддержке калмыков, а затем захватить Крым и стать новым ханом¹⁵⁶. Кубань, впрочем, интересовала Бахты Гирея прежде всего. В конце 1727 г. он уговаривает калмыков вновь выступить на Кубань. Заодно он жестко заявил кубанским татарам, что, если те хотят воевать с ним, «тоб в том стояли, а буде хотят поддаться под владение его, то-б о том дали ему знать»¹⁵⁷. Китаи-кипчаки, к слову сказать, были готовы признать власть Бахты Гирея, которых сам он, как метко зафиксировал один документ той эпохи, «почитал своими». Бахты Гирей умело

¹⁵¹ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 46.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 43.

¹⁵⁴ Там же, s. 43–44.

¹⁵⁵ Там же, s. 47.

¹⁵⁶ Там же, s. 48.

¹⁵⁷ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 22.

пользовался противоречиями местного кочевого общества (включая едисанцев, салтаноульцев и др.) для части которого он – несомненный авторитет¹⁵⁸. Понимал он и особую заинтересованность калмыков в обретении дополнительного контингента воинов в лице кубанцев – поскольку слухи о готовящемся нападении России и Османской империи на калмыков не могли их не беспокоить. Россия попыталась тогда воспрепятствовать походу Бахты Гирея и калмыков на Кубань – недаром Беклемишев направил соответствующие письма наместнику ханства Церен-Дондуку и ханше Дарме-Бале¹⁵⁹. Особенно возмутили подполковника ответные слова калмыков о том, что при встрече его с Бахты Гиреем якобы велись разговоры о том, что Дели-султан «Его Императорскому Величеству и им калмыкам друг». Туркам-османам в какой-то мере удалось опередить приход Дели-султана и калмыков, вовремя переведя едисанцев и джембуилуковцев «через Крым... в Белгородскую орду, дабы их калмыки не взяли к себе по прежнему на Волгу или б они собою к ним не ушли»¹⁶⁰.

В Крыму Бахты Гирея боялись, считая его серьезным противником: в русских источниках отмечено, что султан Салаат Гирей располагал многотысячным воинством¹⁶¹. В 1728 г., заручившись поддержкой калмыков (недаром Церен-Дондук говорил нарочному Салаат Гирея о том, что он пришел на Кубань поставить Бахты Гирея султаном), кочевавших на Кубани ногайцев, в частности едисанцев, Дели-султан заключил своеобразный договор с кубанским сераскером Салаат Гиреем – «одному противу другаго не воевать». Примечательно, что переговоры соперники вели на расстоянии, «через пересылку»¹⁶². Сложилась крайне своеобразная для Крымского ханства ситуация, когда официальный представитель хана, сераскер, был вынужден официально уступить часть своих властных полномочий.

Единственной опорой Бахты Гирея оставались некоторые мурзы Кубанской орды и калмыки. В частности, «протекцию» султана признали все те же китаикипчачи и едисанцы, присягнувшие ему. Обращает на себя внимание забота Бахты Гирея о своих постоянных союзниках, калмыках, вновь поддержавших его в борьбе за власть. Так, предполагая нападение войск Салаат Гирея на калмыцкие улусы, Дели-султан даже уговаривал их, снабдив продуктами, вернуться, что вскоре и произошло. «И тако они владельцы с ним утвердся присягами возвратились к своим улусам, а при нем Бахты Гирее оставили Яманова родственника зайсанга Череня Отхаева (который и прежде бывал при нем) и командированных... калмык 450 человек...»¹⁶³. Одному из очевидцев своего возвращения в улусы измученные калмыки с гордостью сообщили, что он «пользу получили, Бахты Гирей остался на Кубани действительным султаном»¹⁶⁴. Очередное возвращение Дели-султана на Кубань в качестве ее фактического правителя вызвало оживленную переписку встревоженных представителей российских властей¹⁶⁵. Интересно, что крымский

¹⁵⁸ Там же, s. 28.

¹⁵⁹ Там же, s. 31.

¹⁶⁰ *Описание калмыцких народов... Василия Бакунина*, s. 204–205, 229; АВПРИ, zesp. 127, Ногайские дела, inw. 1 / 1754 г., sygn. 1, k. 5v.

¹⁶¹ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 25.

¹⁶² Там же, s. 36.

¹⁶³ Там же, s. 36.

¹⁶⁴ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 50.

¹⁶⁵ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 37.

хан Менгли Гирей не выступил против калмыков, ограничившись соответствующим письменным требованием к киевскому губернатору кн. Трубецкому¹⁶⁶. Менгли Гирей был вынужден примириться с Бахты Гиреем.

Фортуна вскоре отвернулась от самого Бахты Гирея – теперь уже он сам, после описанных выше событий, вынужден бежать в горы всего с шестью воинами¹⁶⁷. Впрочем, какое-то время после победы над Салаат Гиреем султан продолжал находиться в Копыле, по данным В. В. Батырова, со своим тестем Азамат-Мурзой и отрядом из 1 тыс. калмыков¹⁶⁸. Обратим внимание на действия Дели-султана по «символическому присвоению» пространства: победитель, маркируя свое положение, занял Копыл. Интересно, что, согласно другим сведениям, в середине 1720-х гг. тестем Бахты Гирея являлся кабардинский князь А. Кайтукин. Вероятно, в случае более тщательного изучения вопроса выяснится, что многоженство Дели-султана, если оно действительно имело место, может быть отнесено к многочисленным примерам его дальновидности и стратегического умения выстраивать изоощренные политические комбинации и альянсы.

Кавказ сыграл роковую роль в жизни Бахты Гирея. Источники расходятся в описании подробностей гибели «бешеного султана». Ещё В. Бакунин писал, что Бахты Гирей погиб во время похода против баксанских кабардинцев (1729 г.)¹⁶⁹. Современные специалисты также указывают на Кабарду как на место гибели Бахты Гирея: «Весной 1729 г. крымские войска во главе с сераскиром Имеат Гиреем, его братом Бахты Гиреем и А. Кайтукиным вторглись в Кабарду, но после двухдневных боев потерпели сокрушительное поражение. В сражении погибли оба султана»¹⁷⁰. Наконец, в ноте России, представленной Порте в июле 1750 г., сообщалось, что крымский хан Арслан Гирей по-прежнему требует возмещения от кабардинцев «за кровь» своего брата Бахты Гирея, убитого ими «во время крымского набега в Кабарду еще в 1729 г.»¹⁷¹. Недаром в «листе» кабардинских князей от 22 августа 1731 г. (написанном по весьма серьезному поводу, где упоминалось о службе кабардинцев России со времен Ивана Грозного, с просьбой о помощи против нападающих врагов и пр.) нашлось место и для упоминания истории, когда «сераскер султан з Бахти Гирей салтаном с войском приходил, и паки от нас они разбиты; и сераскер салтан з Бахты Гирей салтаном до смерти убиты»¹⁷².

Известия о гибели Бахты Гирея вызвали бурную и, вместе с тем, неоднозначную реакцию современников – в правящих дворах и администрациях разного уровня. Гибель Бахты Гирея было радостно воспринята в Стамбуле¹⁷³. Дондук-Омбо, напротив, стал «зело печален». Интересна трактовка обстоятельств гибели султана Военной коллегией России: весной 1729 г. Бахты Гирей с небольшим отрядом якобы отправился к темиргоевцам – «для взятъя от них обыкновенной дани,

¹⁶⁶ А. В. Цюрюмов, *Калмыцкое ханство в составе России...*, s. 203.

¹⁶⁷ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 39.

¹⁶⁸ В. В. Батыров, *Кубанский правитель Бахты-Гирей Салтан...*, s. 50.

¹⁶⁹ *Описание калмыцких народов...* Василия Бакунина, s. 231–232.

¹⁷⁰ *Адыгская (Черкесская) энциклопедия...*, s. 200. Sam zaś A. Kajtukin po takiej klęsce «паки с крымским войском в Крым ушел».

¹⁷¹ И. И. Якубова, «Кабардинский вопрос» в русско-турецких отношениях в середине XVIII в., „Исторический вестник“, *Naczyk* 2005, wyd. 2, s. 116.

¹⁷² АВПРИ, zesр. 115 / 1731–1732 г., sygn. 2, k. 113.

¹⁷³ В. Смирнов, *Крымское ханство под верховенством Османской Порты. В 2-х томах*, t.2, s. 45.

которые-де черкесы давали ему... в дань тысячу ясырей»¹⁷⁴. Ночью черкесы напали на его лагерь, убив Дели-султана вместе с братом, кубанским сераскером¹⁷⁵. Согласно этой трактовке, гибель обоих султанов встревожила азовского пашу, отправившего своих посланцев в Черкесию. Они подтвердили гибель братьев-султанов от рук «темиргонских черкесов», узнав, что их тела копыльские татары взялись доставить «для ведома в Крым»¹⁷⁶. В итоге азовский паша «публиковал всенародно» сведения об «убийстве» султанов. Не отрицая историчности сведений о гибели Дели-султана в Кабарде, отметим лишь, что интерпретационные версии, какими бы они ни были, лишний раз свидетельствуют о масштабе личности мятежного и мятущегося султана, не забытого современниками и после его смерти.

Организуя крупные набеги на российские территории, Бахты Гирей-султан выстраивал собственную систему отношений с кочевыми народами Кубани и Поволжья, традиционный уклад жизни которых был немыслим без фронтального состояния причерноморской степи и территорий «кавказского узла». Эта система, создаваемая Бахты Гиреем уже на рубеже XVII–XVIII вв., стала основой его неофициальной власти, позволившей ему, лишенному в 1713 г. официальных должностей, в течение второго и третьего десятилетий XVIII в. оставаться едва ли не главной политической фигурой на Северо-Западном Кавказе, имея при этом влияние, выходящее далеко за пределы данного региона. Репутация, созданная Бахты Гиреем при организации успешных набегов на степные окраины России и другие земли, составляла его социальный капитал, который он успешно конвертировал в военные, денежные и социальные ресурсы, оставаясь тем самым в течение длительного времени на гребне волн многих событий в истории крымско-турецких, крымско-русских и русско-турецких отношений. Авторитет его официальной власти как ханского наместника на Кубани, как и эффективность его неофициальной власти (то усиливавшейся, то ослабевавшей, но никогда не сводившейся на нет) поддерживались традиционным для степного порубежья способом – организацией набегов на сельскохозяйственную территорию и поддержанием сложной системы реципрокций, в которую активно включались фронтальные элиты.

Итак, Бахты Гирей, безусловно, был одним из последних представителей крымских элит, которым удавалось осуществлять крупномасштабные набеги без санкции верховной власти. Бахты Гирей-султан позволял себе то, чего в новых политических условиях не могли себе позволить ни крымский хан, ни его официальные представители, жестко контролируемые Портой. Укрепление неофициальной власти Дели-султана на Северо-Западном Кавказе стало возможным потому, что в начале второго десятилетия XVIII в. этот регион перестал охватываться системой постоянно действующей администрации Османской империи и Крымского ханства. Запрещение набеговых практик, как следствие российско-турецких договоренностей, вызвало активное неприятие у элит данного региона, что привело к нарушению их традиционных политических связей с Бахчисараем, устоявшихся в течении XVI–XVII вв. Если во время правления своего отца, Девлет Гирей II, Бахты Гирей, будучи наместником Кубани, нурадыном и калгой, всемер-

¹⁷⁴ Е. Д. Фелицын, *Сборник архивных документов...*, s. 49.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ Там же.

но укреплял власть Крымского ханства на Северо-Западном Кавказе, то с 1713 г. он активно дестабилизировал эту власть в данном регионе, опираясь на местные элиты.

При этом, он не терял связи с той частью крымских элит, которая выступала против примиренческого курса Порты в отношении России. Осуществляемые Бахты Гиреем набеги на российские территории рассматривались этой политической группировкой Крыма как средство возобновления военных действий с Россией. Это обусловило высокий авторитет Бахты Гирея, отчетливо проявившийся во время бунта Джан-Темира Ширинского в 1724–1725 гг., когда часть крымской знати ратовала за возведение его в ханское достоинство. И потому деятельность Дели-султана нельзя рассматривать ни как сепаратизм, ни как проявление социального бандитизма на территории, слабо контролируемой государственной властью. Действия Бахты Гирея были политически мотивированы и нацелены если не на восстановление утраченного престижа Крымскотатарского государства (этот тезис требует отдельного доказательства), то, по крайней мере, на ослабление военно-административного присутствия России на степном фронтире Европы.

Summary

Vladislav Gribovkiy, Dmitro Sen

Bakhty Giray and the problem stability of limits Russian and Ottoman empires in the first third of the XVIII century

The article examines Kuban serasker Bakhty Giray's activity as one of the most influential frontier elites, who was counteracting the process of stabilizing of scopes among the Russian and Ottoman empires in first third of XVIII century. Beginning from 1713, Bakhty Giray became independent, basing its authority on the local elite. His activities were a permanent policy aimed at restoring the authority of the Crimean Khanate and the weakening of the military and administrative presence Russian Empire on the steppe borderlands of Europe.

Streszczenie

Władisław Gribowski, Dmytro Sień

Bachty Girej a problem stabilizacji granic imperiów rosyjskiego i osmańskiego w pierwszym trzydziestoleciu XVIII wieku

Praca traktuje o Bachty Gireju (zm. 1729), jednym z ostatnich członków elit krymskich, który działał niezależnie. W 1699 r. ojciec (chan krymski) mianował go seraskierem ordy kubańskiej. Już pod imieniem Deli-Sułtan umocnił swoją władzę na Północno-Zachodnim Kaukazie. Było to możliwe, ponieważ na pocz. drugiej dekady XVIII w. region ten przestał być kontrolowany przez stałą administrację Imperium Osmańskiego i Chanatu Krymskiego. Począwszy od 1713 r. Bachty Girej uniezależnił się opierając swoją władzę na miejscowych elitach. Jego działania miały charakter stałej polityki mającej na celu przywrócenie autorytetu Chanatu Krymskiego i osłabienie militarnej i administracyjnej obecności Rosji na stepowych pograniczach Europy.

